

ТЕНЕГРАФ

Кшиштоф Пискорский

Annotation

В этом мире любая тень — это врата в опасное и неисследованное измерение, туннели в котором пролагают адепты тайных искусств. Здесь у Солнца есть темная звезда-двойник, обыкновенное рукопожатие может обернуться проклятием, а тень — отбросить человека. Здесь шесть грандов ядом, предательством и сталью сражаются за влияние при дворе, малолетний король с трудом удерживает власть, инквизиция растет в силе, а из тьмы могут прийти настоящие чудовища. Когда к бывшему солдату и наемнику Арахону И'Барраторе, попадает в руки тенеграф — картинка, выжженная на стекле, с таинственной шестирукой фигурой, излучающей свет, искусный фехтовальщик оказывается в центре заговора, нити которого тянутся на самый верх общества, и теперь на кону не только судьба Арахона, но и престол его страны, а также жизнь всех ее жителей...

Кшиштоф Пискорский

Тенеграф

© Copyright by Krzysztof Piskorski; Copyright by Wydawnictwo Literackie, Krakow, 2013

© Сергей Легеза, перевод, 2016

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

В годы, когда Серива еще властвовала над большей частью известного мира, когда по ее улицам катили изукрашенные золотом кареты, а на троне восседал король, повелевавший звать себя Дитем Света, когда люди глядели на тенепространство со страхом, а Ребро Севера все еще стояло, жил в городе некий фехтовальщик из малоизвестного рода.

Кавалер этот относился к будущему своему столь же легкомысленно, как и к чувствам, которыми нередко одаривали его дамы. Часто погружался он в простые действия, часами мог исследовать фактуру разошедшейся оконной рамы, наблюдать за полетом голубей над крышами Серивы или от заката до рассвета совершенствоваться в искусстве поединка. А поскольку именно последнее любил он больше прочего, то в зрелом возрасте тридцати двух лет, когда начинается наша история, сделался он одной из лучших шпаг Юга, подкрепляя природный талант и годы тренировок опытом двух войн, каждая из которых заставляла глаза его становиться все холоднее и все отрешеннее. Не осознавая собственного значения, не предвидя клейма, которое пришлось ему в дальнейшем отгиснуть на судьбах страны, дрейфовал он от авантюры к аванюре, от схватки к схватке — а острая рапира спасала ему жизнь так же часто, как острый взгляд и быстрый ум.

Звали кавалера Арахон Каранза Мартинез И'Грената И'Барратора, и был он мастером фехтовальной школы, известной как *la destreza*. Это — его история. А скорее, одна из историй, поскольку их столько, сколько перьев в хвостах павлинов из садов Базилики Светосхождения — и каждая переливается иным оттенком. Знайте, что это не та версия, которую позже люди вполголоса повторяли в темных портовых тавернах Серивы, осматриваясь внимательно, не сидит ли рядом шпион инквизиции. И не та, переложенная после на вирши плохонькими поэтами, а печатниками выпущенная в томиках, оправленных в козьи шкуры, на радость дворцовым дамам.

Этот рассказ совершенно иной, поскольку написан он кое-кем, кто был с кавалером И'Барратора большую часть памятного 634 года. Вы бы наверняка хотели, чтобы я сейчас же представился и объяснил, отчего думаю, будто моя версия — правдивей и лучше прочих. Но, уж простите, этого я сделать не могу — не только из скромности, но и потому, что мое имя и все, что вы могли обо мне слышать, окрасит фальшивыми тонами содержание следующих страниц, как высокие витражи базилики окрашивают главную площадь Серивы, когда священники зажигают свечи во время полночной службы.

Если вам известны уже некоторые из рассказов об И'Барраторе, отставьте их к легендам и фантазиям, туда, где и место историйкам вроде «Фехтовальщика тени», авторства этого сукиного сына и графомана Эрнесто Батисты.

Правду вы узнаете лишь здесь.

* * *

Год 634-й преисполнен был дурными знамениями. Угол наклона эклиптики Солнца, со страхом отслеживаемый королевскими астрономами, уменьшился на три градуса. Серивские хроники никогда ранее не отмечали подобного явления, и лишь старые, распадающиеся свитки ибров сообщали, что нечто подобное уже случалось в минувшие века. Относительно

деталей то и дело возникали споры, а благообразные доктора драли друг друга за бороды и матерились во время бесконечных диспутов, словно сапожники.

После непривычно холодной весны пришла жаркая пора, что вошла в историю как Лето Длинных Теней. Во многих цивилизованных городах, от Серивы до Ралетто, все ухищрения архитекторов — вроде высоких башен в конце улицы или развешенных над перекрестками полотен, благодаря которым люди могли не опасаться, что они войдут, вывернув из-за угла, в чью-то тень, — оказались тщетны. Теперь в любую пору дня всякий отбрасывал тени длиннее, чем обычно, а места, некогда безопасные, стали представлять угрозу.

Словно и этого было мало, на Юге, за морем, в городах-государствах темнокожих ибров начался бунт; низкое солнце превратилось в головешку, брошенную в улей. С престолов пали древние династии. Спасти их не смогли ни шеренги увековеченных в песчанике коронованных предков, ни дворцы с воротами из бронзы. Новые государствишки рвали друг другу глотки, а в саваннах Юга, там, где на картах простирались лишь белые пятна да рисунки слонов и прочих мифических существ, поднималась новая сила. Согласно последним известиям, Эбеновая Госпожа, черная пророчица, владеющая Ребром Юга, о коей говорили, что она никогда не была человеком, что вышла она прямоком из тенепространства и что в царстве ее тени правят людьми, — она подчиняла себе все новые и новые народы.

В Сериве еще никто не знал, правда это или очередная сказка. Серива была торговым городом с двумя крупными портами. Кроме серебра, пряностей и шелка на кораблях сюда приплывали болезни со всего мира — и слухи, не менее оных болезней заразные. Правду здесь непросто было отделить от фантазий татуированных моряков, поскольку правду в Сериве никогда особо не ценили; люди города любили странные истории и цветистые рассказы.

В свою очередь на Севере, в вечно ссорящихся государствах Влаанмарка, недавно завершилась война, что вот уже двадцать лет, подобно железному катку, катилась от границ Серивы до мокрых, холодных полей Хольбранвии, опустошая плодородные и зеленые земли. В конце концов в селах там остались лишь женщины и старики, а от городов уцелели лишь пепелища.

Войну завершил мир, который с одинаковой неприязнью восприняли все пять воюющих сторон. Умные люди понимали, что война лишь поутихла, ослабев, словно пациент, которому цирюльник выпустил слишком много крови. Но хватит нескольких урожайных лет, чтобы парни подросли достаточно, заменив погибших отцов, — и битвы начнутся снова.

Посреди всего этого, между угрозой с Юга и шатким миром на Севере, лежало королевство Серивы — корабль без руля, — управляемое молодым, неопытным королем, игрушкой в руках шести грандов. Роды их соревновались за влияние стилетами, ядом и предательствами. А в этом вареве Светлый Капитул эклезиярха Андреоса с каждым днем наращивал все большую власть, умело внедряя своих шпионов меж всеми заинтересованными сторонами. Спровоцированные им погромы тенемастеров и ибров привели к тому, что тенепространство Серивы дичало и становилось куда опаснее, чем ранее.

Год 634-й преисполнен был неуверенности. Даже самые светлые головы не в силах были предвидеть, что случится хотя бы через месяц. Для кавалера И'Барраторы — и для меня — непросто было бы найти лучшие времена.

Однако прежде чем мы приступим к повествованию о тех днях, мне предстоит еще одно непростое решение. История всегда хороша тем, что раскрывать ее можно не только с одной

точки зрения. Это словно лабиринт из цветного стекла, где всякий видит что-то свое. Например, пиши я про историю реконквисты и кровавую осаду Серивы, я мог бы влезть тогда в сапоги убогого анатозийского паренька, дом которого развалился под обстрелом требушетов, — хотя, конечно, это было бы художественным преувеличением, поскольку бедные анатозийцы не имели привычки носить обувь. Мог бы я описать осаду и с точки зрения королевского пикинера, готовящегося к штурму и уже ощущающего в брюхе щекотку от сена, коим после смерти набивали людей, чтобы те не испортились во время долгой дороги назад, в родное село. Я мог бы даже начать эту историю с монаха, который, когда пали стены, похоронил полусгоревшие трупы погибших, не ведая даже, кто из них был анатозийцем, а кто — вастилийцем.

На выборе героя, словно на гвозде, повисает вся тяжесть повествования. Поэтому ничего удивительного, что мне непросто решить, с кого начать мой рассказ, — и, конечно, речь тут не об осаде Серивы, поскольку нынче она — история лишь для досужих корчмарей, а не для человека, любящего интересные книги. Не говоря уж о том, что во времена, когда начинается мой рассказ, Серива вот уже четыреста лет пребывала в руках вастилийцев; имя же ее приняла свободная конфедерация городов, что некогда стояли на землях Вастилии.

Если уж говорить о моем повествовании, то есть три персоны, подходящие, чтобы его начать, поэтому я вкратце упомяну о том, в каком положении находилась каждая из оных утром двадцать второго дня месяца жатвы, когда все и началось. Первой из этих персон был лысеющий ученый муж, известный в Сериве под прозвищем Эль Хольбранвер, поскольку именно из того болотистого края на Севере он и происходил, из-за чего с трудом разговаривал на серивском языке. Сей любитель ранних прогулок, аскет, одаренный, увы, полным телом сибарита, лишившийся в молодости на поединке кончика носа, на рассвете двадцать второго дня месяца жатвы, когда все и началось, был уже на ногах. Стараясь не разбудить дочку, что спала в той же комнате, он отодвинул от стены секретер темного дерева. Взгляду его открылась сверкающая точка — наполненная первыми лучами солнца дыра, которую он провертел в прошлый полдень втайне от владельца дома.

Хольбранвер выглянул сквозь отверстие на солнечный диск, значительно более яркий в Сериве, чем в его родных краях. Отступил, ослепленный, а потом приложил к отверстию стеклышко, на котором виднелся темный рисунок, увековеченный там с помощью комбинации серебра, магния и нескольких кислот.

Свет прошел сквозь стекло, создавая на противоположной стене большую картину. Хольбранвер долго смотрел на нее. С каждым мигмом и каждым толчком крови в висках он все сильнее чувствовал, что совершил величайшее открытие в своей жизни. А был это человек, который сумел рассчитать, как далеко от поверхности Земли находится Солнце и сколько теряет человеческое тело в весе в момент смерти.

Второй из персон, оказавшихся важными для всего повествования, был Эльхандро Камина, печатник из маленькой типографии поблизости Переулка Криков. Камина владел одной из первых в Сериве печатных машин и умело ее использовал, издавая перепечатки классических произведений, дешевые романы, продаваемые без обложек, а также томики дворцовой поэзии. Он как раз сидел за бюро, все еще при масляной лампе, хотя в окно уже заглядывал свет дня. Размашистыми движениями он писал в толстой рукописи, оставляя бесконечную череду знаков, которые сам же и придумал: пометок, сносок, переносов. В комнате внизу его помощник выкладывал из наборного шрифта первую страницу, внимательно складывая текст в его зеркальном отображении, всякому слову посвящая больше

времени и внимания, чем позволяло себе нервное, поспешное перо автора, — а тот писал так, будто полагал, что в рабочие комнаты его в любой момент ворвутся инквизиторы. Терпения у помощника было даже побольше, чем у самого Камины, который, наконец, несколько раз отчеркнул название, словно в поисках необходимых слов, а потом вывел на шершавой бумаге последнюю версию: «Дневники анонимного дипломата, писанные во времена двадцатилетней войны, или Как Серива союзникам позорный мир навязала. Том первый из двух».

Помощник как раз вкладывал заглавную «Д», когда наверху Эльхандро заколебался, читая одну из последних страниц. На миг он даже позабыл, что держит в руках перо; на кончике оно собралась капля чернил, все сильнее стремившаяся вниз. Он поправил очки с толстыми стеклами, потер седую щетину, покрывавшую худой подбородок, а потом перечитал текст снова. Задумывался не над словами, которые уже видывал не раз, но над тем, какие те будут иметь последствия — что случится, когда прочтут их обитатели Серивы. Некоторое время он раздумывал, не остановить ли станок. Он еще мог отказаться, издать вместо этого трактат о дворцовых танцах, переведенный с флорентинского, уже какое-то время ожидавший своей очереди. Однако чувствовал он изрядное искушение переступить черту, сделать нечто смелое. Встряхнуть старый порядок: мир толстых грандов, пускающих ветры в шелковые штаны.

В тот миг решалась судьба многих людей, поскольку именно такова суть истории, формирующей государства, — вся она собирается в миге, когда некто решается сделать шаг, который до той поры казался слишком опасным.

Оставим же Эльхандро Камину с его непростым решением, поскольку пришла пора представить третье действующее лицо, а им был сам Арахон Каранза Мартинез И'Грената И'Барратора. Он не совершал открытий и не сидел над опасными манускриптами.

И'Барратора просто-напросто спал.

Это не слишком-то интересное вступление, особенно если сравнивать с двумя первыми. И все же об ученых или печатниках не рассказывают славных историй, самое большее — всякие анекдоты, как тот, об Альрестеле, который открыл, что просмоленное куриное яйцо после погружения его в воду начинает сверкать, словно серебро, а после продал оное жадному Лертесу. Но это хороший материал для веселого разговора в таверне, а не для толстой книжищи в двух томах.

А потому самым главным персонажем в этой истории станет именно И'Барратора.

Пробудил его запах крови.

Минуту-другую он витал мыслями между липким и теплым сном и резкой вонью. Запах принадлежал к числу тех, что рождают в человеке первобытный ужас, разрастающийся, словно холодный шар, где-то над желудком, однако И'Барратора не сумел найти в себе достаточно сил, чтобы поднять веки.

Миазмы крови становились все отчетливей. И'Барратора хотел спать, но ноздри его уже очнулись и не позволяли позабыть, что с ним что-то не в порядке.

За окном Серива пробуждалась к жизни после очередной длинной и бурной ночи. Ревел вол, стучали колеса повозок, съезжающих крутой мощеной улочкой в сторону Треснувшего Купола, а женщина с визгливым голосом продавала капусту. Именно ее крики, пожалуй, врывающиеся в голову ритмичным: «Капуста! Капуста из Мерпелюции! Свежая капуста!» — окончательно вырвали кавалера из сна.

И'Барратора застонал. Перекатился на край кровати и опустил ноги на пол, охнув от боли. Казалось, что нет на его теле места, которое не было бы побито или изранено.

Кровь. Вышитый кафтан весь пропитался ею. Бретёр провел ладонью по материалу, ощущая шершавую фактуру засохших потеков. Искал рану, но через миг вспомнил, что кровь эта была не его.

В его все еще затуманенное сознание вернулась картина искривленного болью лица, однако он затолкал эту картину во тьму. Долго сидел на краю постели, чувствуя запах крови, заполнявший ноздри, сосредоточившись изо всех сил на том, чтобы ничего не вспомнить, ни о чем не думать, чтобы в голове его царил лишь спокойный шум. И чтобы его не стошнило.

Всматривался он в тень на полу, и ему показалось, словно тень качнула с издевкой головою.

Наконец И'Барратора встал. Шагнул по скрипящим доскам, покачиваясь, словно слепец.

Рядом с постелью стояли высокие сапоги, а подле них, словно дохлый пес, лежал свернутый плащ. Рапира была прислонена к стене. И'Барратора прошагал мимо, неуверенно направляясь к большому дубовому сундуку. Крышка его стукнула, и кавалер извлек глиняный кувшин. Дрожащими пальцами он скovyрнул восковую затычку и, не очистив даже до конца горлышко, приложил кувшин к губам. Потом пил, пил и пил, не обращая внимания на то, что кусочки воска стекают ему в глотку вместе с тяжелым сладковатым вином, пил, а кадык его ходил вверх-вниз, словно рычаг большой помпы.

Он знал: единственный способ отогнать лицо, которое снова начало возникать у него перед глазами, — утопить его в вине.

Рассудок, однако, не позволил ему осушить кувшин до дна, а врывающийся сквозь ажурную решетку свет напомнил, что ему еще есть что сделать. Надобно было дописать эпилог к своему ночному приключению.

Он поставил емкость на стол и вытащил из сундука несколько потертый на локтях верхний дублет из темно-синего бархата. Это была одежда дневная, которую он носил всегда, когда проводывал кого-то из своих патронов или когда шел в таверну. Одежду ночную, слишком окровавленную, чтобы надевать ее снова, он свернул в вонючий узелок, обернул плащом и сунул себе под мышку.

Съел еще немного сухого хлеба, обмыл лицо и руки в деревянной миске, а потом

погрузил в нее голову, чтобы смыть со своих черных, до плеч, волос песок, грязь и кровь. Побриться у него уже не хватило сил. Потом он покружил минутку по комнате, пока шум на улице нарастал, напоминая, что вскоре наступит полдень. Поэтому Арахон прицепил к поясу длинную дагу с обломанной гардой и потянулся за рапирой.

Рукоять в почерневших ремнях была холодной и скользкой, вытертой, словно лука старого седла. Мужчина некоторое время водил по ней пальцами. Из многих предметов, которые он любил чувствовать под рукою, это ощущение было, пожалуй, самым приятным. Сразу после шершавых полотняных оправ томиков из печатни Эльхандро Камини.

Узкие ступени свели Арахона во двор, где он сложил воняющий кровью узел под дверьми вдовы Родрихи.

Была она некогда третьей женою богатого мещанина, певицей, любовницей одного из грандов. Но под старость, после многих жизненных перипетий, остались ей лишь две вещи: клонящийся набок деревянный дом на улице Аламинхо, в котором И'Барратора снимал комнату на втором этаже, а еще огромная бородавка на щеке, на которую Арахон старался никогда не смотреть.

К счастью, ее врожденный прагматизм способствовал тому, что Родриха вовсе не умирала от голода. Ухватилась она за профессию, быть может, и не слишком славную, но зато оплачиваемую — торговала одеждой умерших.

Ее племянник служил в городской гвардии. Всякий раз, когда под утро находили в канавах или в реке очередное безымянное тело, оно на два дня попадало в подвалы гарнизона. Если за это время никто не обращался за покойником, Родриха прибывала ночью, раздевала тело, мыла его, завертывала в белое покрывало. На следующий день труп, нисколько не стыдясь, что его наготу покрывает лишь кусок тонкой материи, отправляли в общую могилу на взгорье Лунахиар. Вдова Родриха, в свою очередь, забирала его одежду на реку, где долго терла ее золою и серым мылом, оттирая с нее засохшую кровь, смывала вонь смерти и нечистот, в то время как огромная ее бородавка подергивалась вверх-вниз.

Ночами Родриха шила при сальной свечке, скрывая следы от уколов шпаг или дырки от пороховых пистолетов и тенестрелов. Лучшие вещи она продавала купцам и простым людям, которые порой проводывали ее дом, а самые бедные и потрепанные относила в храм, чтобы просить прощения у богов. Ведь она все время боялась, что однажды кто-то из покойников вскочит и схватит ее за руку, когда она начнет стаскивать с него одежды.

На улицах и в закоулках Серивы всякую ночь гибло несколько человек, и никто кроме вдовы не занимался этим ремеслом, а потому она неплохо зарабатывала. А поскольку ей уже не с кем было делиться деньгами, она часто покупала еду для детей квартала. Опекала она всех сирот, а И'Барраторе не единожды казалось, что она и его причисляет к своей семье. Наверняка именно потому она не брала с него никаких денег за стирку, даже если, как нынче, одежда была пропитана кровью.

Когда он положил под ее дверьми узелок, то расправил кости, развел плечи. Потом, несмотря на вино, которое болталось в желудке купно со старым хлебом, несколько раз подтянулся на палке подле лестницы. Наконец он встал на середине внутреннего двора, окруженного со всех сторон ажурными ставнями. Он медленно раскинул руки, чувствуя, как пощелкивают запястья, как отдают болью синяки. С сосредоточенным выражением лица он напрягал и проверял каждую мышцу, тестировал границы движений каждого сустава, как мануфактурный купец разворачивает свертки тканей. Раз или два он поглядывал при этом в угол двора, где тень под навесом балкона донны Родрихи прodelывала неестественные

жесты.

И'Барратора обещал себе, что при ближайшей okazji спросит об этом у Хасима, знакомого тенемастера. Ведь не хотел же он, чтобы прямо под его дверью возник дикий вход в тенепространство. Неизвестно, кто мог бы на них оттуда смотреть.

Когда он закончил гимнастику, отворил скрипящее, разошедшееся крыло калитки, прошел сквозь темную подворотню и нырнул в уличный поток. В один миг исчез в человеческой реке, которая привычно плыла главной улицей квартала Эскапазар, беря свое начало на соединенных аркадами Площадах Шести Родов, и уплывала ниже, к кипящим жизнью прилавкам, расставленным снаружи Треснувшего Купола.

Как большинство главных улиц столицы, аллея лежала точно на оси север-юг, с легким уклоном сходя в сторону залива. Возникла она благодаря Людвигу III Одноглазому, который через пятьдесят лет после реконкисты сровнял с землей большую часть анатозийских строений и длинными, уверенными росчерками пера обозначил на городском плане новые оси, дабы Серива присоединилась к цивилизованным городам Запада, где солнце и человек, вместо того чтобы непрестанно друг с другом сражаться, живут в гармонии. Благодаря этому на аллее Контанезра до десяти часов солнце не достигало еще мостовой, прячась за расположенным в конце оси Дворцом Грандов и округлым массивом Голодной Башни.

Однако в миг, когда И'Барратора вышел из дому, первые лучи уже проскальзывали над крышами. Колокола на низких башнях, размещенных вдоль аллеи, пробили начало светлой поры.

Люди разбежались, будто муравьи, в чей муравейник ткнули горячей палкой. На аллее остались главным образом богатые мещане, уступающие друг другу место, подметая мостовую шляпами в серии сложных поклонов. Бедняки толклись под стенами, в тени аркад, пытаясь не выходить под наполняющие их суеверным ужасом лучи. Только какой-то бестенный нищий все шел зигзагом серединой аллеи, притягивая к себе неприязненные взгляды.

У Арахона теперь перед глазами была его тень, раскинувшаяся по брусчатке во всей красе; с солнцем за спиною он старался не приближаться к теням других людей, по крайней мере не настолько, чтобы те почувствовали себя задетыми.

Вскоре на аллее появилось несколько дневных экипажей с возницами, прятавшимися в деревянных будках, и кабинами с плотно зашторенными окнами. Влекли их прекрасные кони, тщательно обрезанные от теней лучшими тенемастерами.

Вскоре И'Барратора оказался под внешней стеной Треснувшего Купола, где свернул в узкую улочку, ведущую к порту. В шляпе, надвинутой низко на лоб, укрывая под ней лицо, он старался не бросаться в глаза. Ибо это была не просто утренняя прогулка. Хотя мужчина оставил рабочую одежду под дверьми вдовы, он шел завершить то, что не удалось ему сделать ночью.

К счастью, лишь раз на глаза ему попало знакомое лицо — его ученик, который играл в кости с несколькими заросшими детьми на ступенях у таверны. И'Барратора склонил голову. Последнее, чего бы он хотел, это чтобы кто-то узнал его сейчас и засыпал вопросами.

Его присутствие в этом месте и в это время могло бы вызвать подозрения. Все знали, что дни он проводит дома или дает уроки. Арахон И'Барратора, подобно многим старым мастерам рапиры, содержал фехтовальную школу.

Не была это лучшая из школ. Стенами ей служили стены Переулка Криков, улочки, славной нелегальными поединками, крышей — растянутый между домами старый парус, в

тени которого можно было тренироваться в безопасности. Школе нечем было привлекать учеников из богатых родов. К тому же И'Барратора, хотя и пользующийся уважением в определенных кругах, никогда не обладал славой великого фехтовальщика. Чтобы именоваться таковым, надлежало оскорбить кого-то на королевском балу, выиграть громкий поединок, участвовать в фехтовальном турнире в цветах знатного рода, а в свободные минуты в окружении соратников и прихлебателей прогуливаться по городу в дублете из заморского шелка и в шляпе с пером. Рапира его должна была быть с рукоятью из серебра и слоновой кости, ножны — серебром окованы, а клинок — с клеймом известного ремесленника. В то время как Арахон не выносил чванства и известности.

Патроны, для которых он работал, ценили его именно по этой причине. Он никогда не задавался, а рубаки, с которыми он скрещивал клинки, не могли рассказать о его умениях никому, кроме донны Родрихи, когда аккуратными ладонями она стягивала с них одежды в холодных подвалах гарнизона.

Уже одно это делало И'Барратору не лучшей кандидатурой на звание мастера модной фехтовальной школы. Однако школы славились не только именами менторов, но и названиями фехтовальных трактатов, по которым в них обучали, как и секретными уколами, которые можно было из них узнать. Зал Фернанда Руиса специализировался на Прикосновении Колибри, школа братьев Травиллетов — на Серивском Поцелуе, еще были Рокировка Эклезиарха и Демивольт Одинокого Блеска — сто кровавых смертей, заключенные в поэтические названия.

И'Барратора знал три удара, которые были настолько трудны и малоизвестны, что могли считаться секретными. Первый, Укол Королевы, был славным маневром Иниго Вальквезара, с подробностями описанным вкупе с тремя рисунками в трактате «Танец железа». Увы, книга сия не была достаточно редкой, и несколько копий ее находилось в Сериве. Укол этот не мог привести к И'Барраторе многих адептов.

Из двух прочих секретных атак одна была слишком сложной, чтобы обучить ей кого-то, кто не провел всю жизнь с рапирой в руках. Вторая же была слишком рискованной, а если удавалось ее исполнить — настолько кровавой, что благороднорожденные тотчас презрели бы ее. К тому же И'Барратора придумал ее сам — пришла она к нему во сне, а значит, была личной собственностью кавалера, с которой тот не намеревался расставаться. Мысленно называл он ее Ударом Белого Скорпиона. Порой, когда Арахон выпивал много вата вина, любил он помечтать, что когда-нибудь соберет достаточно золота, чтобы купить поместье где-нибудь на сухих холмах вокруг Серивы и осесть там в покое. В этих мечтаниях, в тишине жаркого полдня, он работал над книгой — чудесным фехтовальным трактатом, центром которого должно было стать описание его прекрасного удара.

Раскрыть его преждевременно чужим людям — означало предать собственную мечту, даже если, протрезвев, кавалер глубоко ее стыдился.

Все эти причины привели к тому, что было у него едва лишь восемь учеников, в большинстве своем — слабо одаренные сыновья ремесленников либо провинциальных дворян. Он не готовил их ни к профессии, ни к тому, чтобы стали они славными поединщиками. Учил их только как не погибнуть, непустым секретам *la destreza* посвящая столько же времени, сколько и поучениям, как в различных ситуациях избежать схватки либо отыскать достойный способ бегства. Лишь изредка ему попадался некто настолько способный, что И'Барратора делился с ним большей частью своего опыта. В последнее время одному ученику он доверял настолько, что даже взял его с собой на важное задание.

Теперь же он не мог себе этого простить.

Искривленное в агонии лицо Ариего все время вставало у него перед глазами, когда он, в тишине и жаре серивского полудня, шагал в сторону моря.

Вскоре он добрался до Альхера Маар, квартала террас, что отвесно спускались прямо к искрящимся волнам изумрудного залива. Море не случайно блестело, словно бриллиант, — именно оно и было величайшим сокровищем Серивы. Благодаря ему приплывали сюда купеческие корабли и галеры со всего мира. Благодаря ему существовал город, а в нем — богатые роды и патроны, дающие работу таким, как И'Барратора.

В этот день он увидел в порту несколько новых кораблей. Побережьем ходили мытари с писцами и городские гвардейцы, между ними же бродили моряки с лицами темными и морщинистыми, словно палубные доски. Качающейся походкой, отвыкнувши от неподвижной суши, расходились они по тавернам, чтобы отпраздновать победу над морем и смертью. А в те времена, прежде чем королевские лекари открыли причину цинги, всякое долгое путешествие было игрой с курносой. Экспедиции к дальним берегам нередко стоили жизни половине экипажа. А то и целому, если кроме болезней вставали против корабля штормовые волны или если нападали на него корсары.

В Сериве не было рода, в котором не оказалось бы одного либо двух мореходов или который не был бы связан сложной цепью кредитных писем, векселей, ссуд и банковских операций с какой-либо из торговых компаний. Поэтому ничего странного, что на берегу видны были несколько карет и пара дворян в окружении слуг и вооруженных кавалеров. Богачи прибывали сюда со всего города проследить за делами, проверить, кто приобрел, а кто потерял, кто сделался бедняком, а кто умножил состояние; и вскоре никто не в силах будет отогнать просителей и людей, прибывших сюда в поисках патрона.

И'Барратора глядел на все это сверху, когда сходил крутыми улочками. Внимание его привлекали в основном расположенные на террасах прилавки, на которых раскинулись перед ним плоды вавилонских виноградников и красные и черные глазки восточных приправ, продаваемых сразу после разгрузки кораблей, чтобы успеть до прихода королевских сборщиков налогов. Арахон чуть приоткрыл рот и втянул в себя воздух, пропитанный запахами столь густыми, что на языке превращались они во вкус.

Раз или два погрузил он пальцы в сушеные зерна, наслаждаясь их неизвестной фактурой. Всякий, кто приближал руки к товарам, пробуждал подозрение продавцов, но И'Барраторе до этого дела не было. Идя медленным, церемониальным шагом, с движениями величественными, он выглядел как священник, который экономным жестом благословляет бедняков.

Но если вы полагаете, что делал он это, поскольку обладал душой поэта, то вы ошибаетесь. И'Барратора все и всегда совершал с одной-единственной целью: чтобы сделаться лучшим фехтовальщиком. Давным-давно, когда он лишь учился шагам и равновесию на каменной стене, окружавшей старое, заброшенное имение его отца, учитель сказал ему, что у хорошего фехтовальщика все чувства должны быть острее бритвы.

Необходимо ему соколиное зрение, поскольку часто, прежде чем враг проведет удар, его выдает легкое дрожание мышц в уголках глаз, напряжение шеи, вызванное тем, что сознание уже предвидит скрещенные клинки или боль от раны, полученной в контратаке. И'Барратора знал, что если он сумеет заметить одно зеленое зернышко среди тысяч черных, значит, он обладает необходимой остротой зрения, чтобы прочесть на лице противника его намерения.

В свою очередь, обоняние, которое, подобно скальпелю цирюльника, разделяет запахи

вокруг на отдельные слои, позволяет ему настолько же хорошо отделять сушеный тмин от вязанки свежего чеснока и запах пота ожидающего в засаде врага от вони отдающей волглостью крипты.

Еще важнее был слух. Должным образом натренированный, он мог выхватывать слова и целые предложения в уличном шуме, но также мог — среди звона рапир и ударов подкованных сапог — различить шелест, производимый заходящим сзади противником с длинным кинжалом в руке.

Однако Арахон считал, что наименее оцененным фехтовальщиками чувством остается осязание. А обученная рука умеет так много! Порой хватает одного рукопожатия друга, чтобы понять, что тот предал его и в близящейся схватке переметнется на сторону врага, — и всего лишь прошлой ночью это спасло И'Барраторе жизнь. К тому же умелая ладонь может, скрестив клинок с противником, ощутить, не подрагивает ли его рука и гарда или не слишком ли измождены мышцы врага. Это искусство старые серивийские мастера именовали *tacto*.

Благодаря тому что И'Барратора наизусть знал на ощупь рукоять своей рапиры и ведал, как лежит она в ладони при разных ударах, он никогда не удерживал ее слабее или сильнее, чем должно, и вот уже много лет никто не мог его разоружить.

Спускаясь вниз террасами Альхера Маар, фехтовальщик готовился к схватке.

Он надеялся, что обойдется без кровопролития, но одновременно испытывал немалые сомнения. Когда добрался он до условленного места, на пахнущую солью и ветром набережную, — сомнения эти подтвердились.

Реальто Аркузона не было там, где они условились.

Кавалер И'Барратора поправил пояс, прикоснулся ладонью к рукояти рапиры, удостоверился, что дага висит под соответствующим углом, а после сошел на набережную, в гущу человеческих голосов, меж потрескивающими причальными канатами и стучащими сходнями.

В условленном месте, на постаменте, где некогда стояли портовые весы, теперь сидел незнакомый вооруженный человек. Арахон почувствовал, как напрягаются мышцы у него на загравке. Мог ли патрон уже знать о произошедшем прошлой ночью?

Пытаясь сохранять спокойствие, он подошел, громко поздоровался и приподнял шляпу; вежливость и осторожность заставили его предостеречь сидящего спиной незнакомца, что он приближается. Однако человеку, который отдыхал на камне, уперев одну ногу в мраморную грань, а вторую свесив в воздухе, не было дела до вежливости.

Миновало несколько мгновений, прежде чем незнакомец обернулся. Длилось это достаточно долго, чтобы Арахон почувствовал укол злости. Он уже прикидывал в уме колкие слова, но онемел, когда шляпа незнакомца приподнялась и фехтовальщик увидел лицо женщины.

Была у нее смуглая кожа, темные волосы, и была она довольно симпатична, если не обращать внимания на чуть скошенный вниз уголок правого глаза и синюю размытую татуировку на шее.

— В людном порту среди светлого времени дня. Это странное место, чтобы отдыхать, — заметил Арахон.

— Напротив: солнце, запах моря...

— Где Аркузон?

— Господин Аркузо решает важные проблемы. Просил, чтобы я тебя провела.

«Аркузо» — именно так она и сказала, с чужим, жестким акцентом.

— Мы не так договаривались, — И'Барратора почувствовал беспокойство, поскольку место он выбрал неспроста. Много глаз, много свидетелей, много дорог к бегству.

— Договаривались? Господин Аркузо не договаривается с людьми твоего положения. Если есть у тебя дело, то ты вежливо отправишься туда, где он принимает, а если нет...

— Куда? — прервал ее Арахон.

— К суконному складу Бериччи, — ответила женщина и соскочила с постамента.

И сразу же зашагала в сторону улицы, даже не оглянувшись на него. Он же, по движению ее ног и по тому, как она ставила стопы, сразу распознал умелого фехтовальщика. Всякий мог купить себе вастийскую шпагу, шляпу и сапоги. Однако не каждый смог бы так умело подделать ту особенную походку, которая была результатом неисчислимых часов, проведенных в тренировках быстрых выпадов, в балансировке тяжестью тела и в хождении по жердям.

И'Барратора беспокоило, что у Аркузона нашлась какая-то причина не встречаться с ним в условленном месте. Беспокоило его и то, что с весточкой послали рубаку, а не мальчугана на побегушках. Но еще сильнее беспокоило его, что никогда он об этой фехтовальщице не слышал.

В Сериве женщины не хватались за шпаги, значит, девушка, должно быть, происходила издалека. Акцент подсказывал, что с другой стороны Саргассова моря. Оливковая кожа выдавала анатозийских предков.

К тому же, должна была она прибыть недавно, иначе он слышал бы уже о ней в таверне или от одного из учеников. Одевающаяся по-мужски женщина с Юга, со шпагой — это была бы тема для разговоров. Не потому, что серивские женщины не имели обычая убивать. О, нет! Они просто полагали, что могут это делать столь же результативно и без переодевания в смешные мужские шмотки и без того, чтобы тратить годы на науку махания железом. Вместо рапир они пользовались кинжалом, длинной шпилькой для волос, ядом, звенящим золотом или заговором.

Арахон раздумывал, зачем бы Реальто вытягивать эту девицу боги знают откуда, из Патры или какого-то пиратского княжества за Саргассовым морем, и не сделал ли он это, так как понимал, что в Сериве немного наемных рубак смогло бы противостоять И'Барраторе.

Подозревал он, что вскоре придется ему скрестить с незнакомкой клинки, но пока что шагали они вглубь узких улочек портового квартала, над ними же на веревках, которые, словно швы, стягивали противоположные стены старых жилых домов, трепетало белье, раскачиваемое порывами соленого ветра.

* * *

Эльхандро Камина сидел в своем кабинете на втором этаже старого дома в Переулке Криков и с умильным выражением лица вслушивался в стук машины внизу. Сплетши ладони на животе, он дремал внутри солнечного пятна, которое рисовали врывающиеся в окно лучи.

Всю прошедшую ночь он расставлял корректорские знаки в длинном манускрипте. Словно пророк из древних сказаний, метал он в толпу букв гибкие змеи делеатур, что пожирали целые предложения; под его пером, словно пред старинными магами, расступались моря знаков, открывая место для вставок и дописок; по одному его приказу

передвигались целые абзацы. Нынче же, завершив свое дело, был он уставшим, но счастливым.

Эльхандро Камина любил свою работу.

Эта странная профессия, настолько новая, что не дождалась она пока своего названия, требовала, дабы днем он играл роль мелкого работодателя, а ночью — читателя и редактора. Говоря коротко, Камина был одним из первых издателей в Сериве. И хотя на протяжении пяти лет работы зрение его ухудшилось настолько, что при свечах он едва видел буквы, а писанные вручную книги часто бывали настолько старыми и выцветшими, что порой приходилось угадывать отдельные слова, а то и предложения, однако работал он без передышки, дабы иметь чем кормить прожорливого, смазанного маслом, напоенного чернилами из сажи и свиного жира дракона, который порывивал в комнате внизу и шелкал своей огромной пастью, вмещавшей четыреста тридцать наборных буковок в двенадцати рядах.

А были же времена, когда первые такие машины едва-едва привезли с Севера, к возмущению эклезиярха, и тогда казалось, что нет такого числа печатных томиков, которых тут же не купили бы жители Серивы. Наибольшей проблемой тогда было раздобыть побольше чернил, достаточно бумаги, найти переплетчиков и отыскать достаточно манускриптов, как древних, так и новых. Камина так переживал об этом последнем, что даже И'Барраторе предлагал, чтобы тот что-нибудь для него написал, пусть бы и воспоминания о войне на Севере или томик каких-нибудь плутовских историек.

Всякий раз, когда он получал вещицу, написанную настолько изящно, что могла она идти в печать, он не находил себе от радости места, точно так же, как и когда помощники его выносили из склада стопки отпечатанной бумаги. Глядя, как те покидают его станок, Камина чувствовал себя так, словно перегонял кровь в высохшие, пустые вены Серивы — в таинственную систему чернилообращения, о чьем существовании никто раньше не догадывался и которая — иссохшая и запыленная — только и ждала, пока кто-то впустит в нее жизненные соки. Годы и годы печатник собственными глазами видел, как чернилообращение раскрывается, словно цветок восточного чая в горячей воде, а вены его протягиваются все дальше, в очередные дома и дворцы — до городков, лежащих в окрестностях Серивы.

Если бы некто сказал Камине, что в будущем читателей станет немного, зато слишком много печатных машин и книжек, а вены чернилооборота сделаются столь узкими, что публикации необходимо будет закачивать в них силой, он лишь постучал бы себя по лбу, а потом вернулся бы в мастерскую над станком, чтобы синими от краски руками продолжить ставить свои корректорские знаки. Поскольку для него это было время столь же чудесное, как для мореходов век Генрика Седого, когда корабли из Вастилии впервые добрались до богатых земель за морем.

Эльхандро как раз задремал, в мутном полусне размышляя о венах, наполненных чернилами, о кипах бумаги, кораблях, морях, будущем и прошлом, когда внезапно пробудило его нечто беспокоящее.

Был это звук, а вернее, отсутствие звука, густая тишина, что охватила все пространство, ранее наполненное сладким громоуханьем машины. Камина сразу поднялся с кресла. Неужели снова треснула металлическая направляющая? А может, порвались кожаные пояса, разгоняющие вал? Или — о, Всесвет, — уже в третий раз...

Однако помощник, о здоровье которого едва успел подумать Камина, вбежал по

ступеням живой и здоровый, держа в руке нечто столь малое, что печатник едва различил оное своим слабым зрением.

— Федерико...

— Письмо, господин Камина. Тот, кто его принес, сказал, что это срочно.

— Ничего хорошего никогда не бывает срочно, Феде, — сказал Камина, протягивая руку.

Это было даже не письмо, по крайней мере, в привычном смысле слова — а лишь маленький клочок бумаги, сложенный вчетверо и без печати, что заставило Камину нахмуриться. Любой уважающий себя человек даже на письменном заказе оттискивал свой символ на красном лаке, подобно тому как коты метили стены темных закоулков Серивы.

Без печати — это значит, что автор желает остаться анонимным, поскольку ему есть что скрывать.

Камина почувствовал, как убыстряется у него пульс. Он развернул карточку дрожащими руками. Короткая весточка подписана была единственной литерой и снабжена гербом.

— Феде, пошел к дьяволу. Вперед, трудиться! — буркнул Эльхандро, пробегая взглядом по рядам ровных наклоненных буковок.

Слуга, однако, не спешил уходить, но печатнику уже было не до него. Он не мог оторвать взгляда от письма. Прочел его пару раз, словно хотел убедиться, что не пропустил важной информации, скрытой между строк.

— Знаешь, кто это принес? — спросил.

— Какой-то человек, не знаю его, господин Камина. Но по тому, как он вонял, полагаю, что наверняка он нищий или что... А что там пишут, господин Камина? И прежде всего: кто это пишет?

— Д'Эрзан...

— Кто?

— Автором манускрипта, который ты как раз набираешь внизу, автором нашего анонимного произведения о двадцатилетней войне является Якобо Д'Эрзан, сам Черный Князь.

— Ага, я о нем слышал. Это тот, которого осудили на баницию — поражение в правах и вечное изгнание за заговор, — ответил Федерико с обезоруживающим спокойствием простеца, для которого дела политики и великих родов — это тема для сказочек, совсем как хрустальные замки за семью горами и принцессы в железных туфельках. — И что? Князец чего надумал? Станемте печатать не анонимно, а под фамилией?

— Нет-нет. Д'Эрзан нынче прибыл в Сериву. Его преследуют. Пишет...

Камина понял, что сказал помощнику слишком много. Поэтому он смял листок, а потом подошел к кровати, разодрал записку на кусочки не больше ногтя и бросил прямо в фарфоровый ночной горшок.

— Это разве не хорошо, господин Камина? — спросил парень, глядя на мелькающие ладони печатника. — Потому как я так себе думаю, что если того или кого другого преследуют враги, а у вас в работе как раз его манускрипт...

Он прервал себя, поскольку вид бледного лица печатника даже такому глупцу, как Федерико, мог сказать, что господин его подумал о том же — и чуть ранее.

Тем временем Эльхандро отряхнул ладони от кусочков бумаги, положил их на плечи Федерико и сказал, заглядывая ему глубоко в глаза:

— Беги на улицу Аламинхо, там спроси дом вдовы Родрихи. Комнату на втором этаже занимает некий Арахон И'Барратора. Приведи его как можно скорее.

— А если он не захочет идти?

— Скажи, что это дело жизни и смерти. Скажи еще, что на весах — честь королевской династии, а может, и судьба всей Серивы. А если он все еще не пожелает идти, то скажи ему, чтобы он вспомнил о Риазано.

— Резано?

— Риазано, дурачок.

— Как та славная битва?

— Ступай уже!

Помощник исчез, грохоча сапогами по деревянным ступеням. Камина же вернулся мыслями к содержанию письма.

Хотя он стоял под лучами солнца, почувствовал холодную дрожь.

И'Барратора шагал узкими улочками портового квартала, где солнце никогда не доходило до мостовой, а отвесные стены вставали высоко в небеса и почти соединялись там, оставляя лишь крохотную, неровную линию синевы. Перед Арахоном вышагивала женщина — он осматривал ее взглядом мясника, который, глядя сквозь кожу и одежды, сосредотачивается на работе мышц и костей в поисках скрытого изъяна. Пришел он к выводу, что у девушки некогда была сломана левая нога, наверняка в голени, это было очевидно, принимая во внимание, как она ставит стопу. Но как знать, может она выучилась такой походке, чтобы смущать слишком внимательных поединщиков?

Арахон раздумывал, не стоит ли ему исчезнуть в одной из подворотен или боковой улочке, признав дело с Аркузоном несостоявшимся. Избегать ненужного боя он никогда не считал бесчестьем. Но едва только заметил подходящую для такого возможность, перед глазами его встало залитое кровью лицо, то самое, что мучило его прошлой ночью. Лицо товарища, который еще вчера жил, а нынче был уже мертв.

Арахон знал, что должен взглянуть Аркузону в глаза. Задать ему один-единственный вопрос.

Женщина замедлила шаг. Теперь впереди была небольшая площадь и белеющий на солнце фасад старого суконного склада. Из темного входа веяло могильным холодом, облупившаяся вывеска скрипела под порывами ветра. В окнах домов, что тесно обступали площадь, не видно было ни единого лица. Изнутри же не доносилось ни звука.

И'Барратора прикрыл глаза, втягивая поглубже воздух. Казалось ему, что он чувствует запах нервного пота, не знал только, не своего ли собственного. Как бы невзначай он положил руку на пояс, сразу у рукояти рапиры. Люди, у которых нет дурных намерений, чаще всего договаривались встречаться при свете дня, поскольку бой среди солнечных теней был почти невозможен. Темный же склад был идеальным местом, чтобы устроить засаду.

Они вошли внутрь.

В длинном помещении с деревянным дощатым полом, освещенном лишь слабыми светильниками, на деревянных рамах громоздились длинные свертки материи, один на другом, до самого потолка. Толстые рулоны глушили звуки, все в помещении словно происходило за толстой завесой. За каждой кипой шерсти и льна мог таиться наемный убийца.

И'Барратора не любил такие места.

Он снова прищурился, пытаясь уловить ухом хоть какие-то звуки. Ему казалось, что где-то в глубине склада, приглушенное шумом ветра и моря, раздается свистящее, неглубокое дыхание.

У убийц редко бывают больные легкие.

— Господин Аркузон! — позвал И'Барратора громко. — Вы хотели со мной поговорить.

Мужчина, стоило его позвать, вышел. Был он низким, слегка прихрамывал, у него были ввалившиеся глаза и коротко остриженная седеющая борода. Тип человека, самый вид которого пробуждает дурные мысли насчет острых кинжалов и флаконов с ядом.

Реальто Аркузон, однако, не был ни вымогателем, ни грабителем: всего лишь купцом, хотя и беспощадным. Приложил он руку ко всем возможным предприятиям: от заморской торговли через ростовщичество и контрабанду — до продажи малых должностей в портовой

администрации. О нем шла слава как о человеке, который может решить все что угодно. Потому часто нанимали его сильные роды, которые сами не желали пятнать руки контактами с обычными преступниками.

Последний год Аркузон был для И'Барраторы кем-то средним между импресарио и меценатом, хотя проклятый Д'Ларно, друг Арахона, который всегда над ним подсмеивался, утверждал, что существует слово получше, чтобы описать связывающие их отношения: «сводник».

— Птички напели мне, — начал Аркузон холодным тоном, — будто Эрнесто Родригано вчера ночью доехал домой, съел ужин, искупался и даже затащил в постель служанку, которая утром жаловалась на боли в пояснице. Это воистину удивительная демонстрация жизненных сил для того, кто, моим разумением, должен быть мертвым.

— Родригано сбежал, — спокойно ответил И'Барратора. — Мы почти его поймали. Тенесилки подействовали, один конь перешел на другую сторону, карета была заблокирована. Мы уже думали, что он не сбежит.

— И что же случилось?

— Он нас ждал. Было с ним двое приближенных. Ариего же, мой ученик... Он обратился против меня. Родригано сбежал, когда бой начал принимать несчастливый для него оборот.

Аркузон глянул чуть в сторону, поверх левого плеча своего собеседника, и Арахон сразу понял, что кто-то стоит у дверей, блокируя ему дорогу к бегству. Однако знал он и то, что не может себя выдать. Предпочитал, чтоб купец думал, будто имеет над ним преимущество.

— Арахон, Арахон, — засмеялся между тем купец. — Ты ведь говорил, что ему можно доверять. Ошибался даже насчет собственного ученика? Кавалер И'Барратора сделал такую ошибку?

— Я учил его только фехтованию. А нужно было научить еще и тому, как никогда не доверять таким, как ты, — сраным сифилитическим сукиным сынам. Продажным предателям и убийцам.

Глаза Аркузона сузились.

— Полагаю, ты забылся. Или Ариего был для тебя больше чем просто учеником? Это была бы интересная новость. Славный кавалер И'Барратора — содомит? Я не премину шепнуть это на ухо королевскому стряпчему, который станет осматривать твое тело.

— За сколько ты его купил?

— Ты бы удивился. Как видно, ты плохо учил своих учеников и оказался дурным наставником, поскольку он просто пылал желанием доказать, что он — лучше тебя.

Каждое слово Аркузона было частью сражения, словно танец рапир, каковой должен был вскоре начаться. Купец пытался вывести своего противника из равновесия точными уколами слов, поскольку прекрасно понимал, что слова умеют ослеплять ровно так же, как бросаемый в глаза песок, и что ярость сильнее мешает заученным движениям, нежели подрезанное сухожилие.

Ноздри И'Барраторы раздулись, дыхание его ускорилося. Но все это было лишь игрой, фарсом. Ибо Арахон знал, что до той поры, пока он будет выглядеть так, словно теряет над собой контроль, купец будет говорить и говорить и может выдать то, что Арахон желал услышать более всего.

— Почему? — рявкнул он расчетливо, сжимая пальцы на рукояти рапиры. — Почему ты это сделал?

— Видь ты хоть что-нибудь дальше кончика собственного носа, знал бы это уже со вчера. В последней драке на Площадах Шести Родов погиб племянник королевской фаворитки, а меж Родриганами и Ламмондами вошел владыка, со свойственной для себя деликатностью угрожая, что проведет Единение. И не только глав родов, но и первородных, а также всех наследников до четвертого колена. Ты, как провинциальный босяк, наверняка этого не понимаешь, но об этом и подумать невозможно — две старые, со времен доибрийских, семьи Серивы и вдруг — смешаны, разбавлены, уничтожены так, что не понять, кто из них кто... Старый Ламмонд сразу же прислал письмо, что я, мол, должен прекратить любые действия против Родриганов.

— И что с того? Ты мог нас отозвать, никто бы не пострадал.

— Ты дурак, Арахон. Такие, как я, не достают вертел, если рядом нет хотя бы двух — а то и трех — кусков мяса. Твоя голова на серебряном блюде была бы охренительно красивым подарком для Эрнесто Родригано. И не думай, что это моя идея. Ламмонд недвусмысленно дал понять, что договор необходимо скрепить кровью тех, кто допустил наибольшее число преступлений в борьбе родов. Видишь ли, все бы почувствовали себя в большей безопасности, когда бы самое острое оружие оказалось закопанным в земле. И ты ведь понимаешь, отчего я предпочел, чтобы оружием этим оказался ты, а не я? Тем более что после твоей смерти я намеревался все повесить на тебя, то, что более всего разозлило бы Родриганов. Подумай только: убийство тех двух девочек — раз. Отравление целой компании пьяниц дурачка Хернана Родригано — два. Ну и, конечно, выстрел из тенестрела прямо в спину того набожного старичка, не помню, как его там звали... Детоубийца, отравитель, трус, проклятый содомит. Полагаешь, что столько-то эпитетов при твоём имени даст тебе место в истории Серивы?

И Барратора заметил, что женщина, прислушивавшаяся к разговору, неуверенно шевельнулась. Что же, она не знала, каким мерзавцем был Аркузон, когда принимала от него кошель? Он стиснул зубы так, что на лбу его выступила пульсирующая вена.

— Ты... — процедил.

— Погоди, это всего лишь два куска. Был еще и третий. Скажи мне, Арахон: если ты купишь пса, а из него вырастет большая враждебная тварь, что бросается на людей, то что ты сделаешь? Позволишь ему бегать свободно? Позволишь, чтобы он обратился против тебя?

И Барратора молчал. Использовал миг тишины, пока купец дожидался ответа, чтобы вслушаться в звуки за спиною, у дверей.

Стоял там кто-то еще. Ничего странного, Арахон не стал бы доверять лишь одной шпаге.

— Нет, Арахон, — ответил купец сам себе. — Тогда ты берешь палку, ведешь пса за сарай и ломаешь ему хребет. Старые времена заканчиваются. Нынче роды предпочитают пользоваться политикой, угрозами, звонкой монетой и векселем, а не наемными клинками. Никто не уснет спокойно, пока люди, подобные тебе, ходят ночами по крышам Серивы, убивают в банях, тавернах, закоулках. К счастью, ты скоро подохнешь, как подохли твои друзья времен войны, та твоя Серивская Троица. Даже твой ученик прекрасно это знал, знал, что ничего хорошего его рядом с тобой не ждет. Ты стоишь на стороне проигравших. То, что ты дурень, не замечающий, что мир вокруг изменился, убедило Ариего сильнее звонкой монеты. Взглянем правде в глаза: Арахон И Барратора — всего лишь мелкий преступник, полагающий себя мастером шпаги, Фибаультом нашего времени, хотя даже девица, что его сюда привела, лучше его. Верно, Кальхира? Пойми, Арахон. В тот самый день, когда тебя найдут голым в канаве, город о тебе позабудет...

Ладонь наемницы всего лишь дрогнула на рукояти рапиры.

И'Барратора молниеносным движением сорвал плащ и набросил его на Кальхиру. Прыгнул назад и развернулся — теперь уже видел двух головорезов, что стояли по обе стороны от двери; у одного был арбалет со стальной тетивой, заряженный массивной стрелой, что сумела бы расщепить и дубовую балку, а арбалета этого не было в плане, который И'Барратора мысленно прикинул в последние несколько секунд.

Приходилось импровизировать.

Он прыгнул в сторону, за скирду материи, а тетива отчетливо брякнула, оставляя в воздухе резкое, серебристое эхо, подобное звуку колокольчиков на морозе. Стрела пролетела там, где еще миг назад было сердце И'Барратора, и разминулась с головой Аркузона, взъерошив его седые волосы.

И'Барратора знал, что рапира у женщины-убийцы уже в руке, что за несколько мгновений она доберется до него и воткнет клинок ему в спину. Поэтому снова бросился в сторону выхода, прямо на верзилу, который выступил вперед с массивной абордажной саблей в руке, в то время как его товарищ пытался натянуть тетиву арбалета, раня при этом себе пальцы и сопя.

Арахон метнул дагу прямо в лицо противнику. Оружие не воткнулось, как оно бывает в кабацких рассказах — потому что только на хорошо отработанной дистанции нож ударяет острием каждый раз. Однако хватило и простого веса выгнутого эфеса — дага выбила мужчине несколько зубов, а И'Барратора был уже рядом. Проткнул ему живот рапирой и дернул клинком вверх так, чтобы освободить его, одновременно разрезая противнику внутренности.

Воздух завибрировал от дикого крика, в ноздри ворвалась вонь нечистот.

Выход был на расстоянии вытянутой руки, поскольку толстяк, который не справился пока что с арбалетом, отпрыгнул в сторону. И'Барратора уже видел омытую солнцем длинную улицу, чувствовал запах моря, пробивающийся сквозь смертельную вонь, уже наполнившую внутренность склада.

Лицо его овеял прохладный ветер.

— Не дай ему сбежать! Слышишь, Кальхира? Не дай! — кричал Аркузон из-за стопки шерсти.

И'Барратора поднял с земли дагу, тщательно вытер ее о штаны, после чего неспешно развернулся и поднял рапиру над головой. Хмурым, полным смирения взглядом обозрел помещение, нацелившись туда, где между ним и мстью стоял женский призрак в белой рубахе.

Знал, что он должен довести дело до конца.

* * *

Хольбранвер наблюдал за пылинками, танцующими в лучах света, что вривался в королевскую библиотеку через окна высокие, словно двухметровый дом. Следя за внезапными поворотами и спиралями траектории крохотных частичек, он размышлял о скрытых механизмах света.

Был он одним из тех людей, которые всегда искали в обычном непривычное, которые не боялись задавать вопросы, многим кажущиеся детскими. Вот хотя бы: отчего тени живых

существ настолько отличаются от теней мертвых предметов? Как действует таинственная, подвешенная на небосклоне сила, которая просвечивает людей подобно витражам, отбрасывая на землю темные проекции их нутра, где можно различить даже абрисы костей? Отчего солнечная тень книжки или столпа — совершенно мертвая, тень дерева пробуждает в исключительно чувствительных душах людей некую дрожь, тень коня уже довольно опасна, а тень другого человека может погубить вернее, чем пуля, выпущенная в череп, — если тень эта, конечно, столь густа и темна, как в Сериве? Почему это касается лишь теней, отбрасываемых солнцем в полную силу? Почему в свете луны или свечей люди могут свободно здороваться, соприкасаться, убивать друг друга, не опасаясь случайного соединения?

Внезапно раздался бой больших часов, дремлющих в конце библиотеки, за встающими во всю стену полками. Отзвук этот гулял под потолком, откуда взирали вниз персонажи античных сцен: полнокровные, со счастливыми лицами, широкими бедрами и обнаженными бюстами. Насмехающиеся над скрюченной фигурой ученого, чье левое плечо отчетливо возносилось выше правого, голени выглядели так, словно приставили их к бочке, маленькие водянистые глазки взирали на мир лишь благодаря паре толстых линз, а обрезанный кончик носа закрывала кожаная нашлепка.

Хольбранвер вздрогнул. Поднялся с кресла и двинулся в сторону одного из столов под стеною. Стояло там оборудование для тенеграфии. Он осторожно вынул из него стеклянную пластину, покачал головой и вздохнул. Потом бросил половинку яблока в натененную камеру, где сидел кролик.

Кроме животного и Хольбранвера в помещении не было никого. Лишь на мгновение кто-то промелькнул между аркадами, окружавшими библиотеку, — может, дворянин, может, шпион эклезиярха. Хольбранвер даже не мог никому пожаловаться, что он впервые в жизни — бессилен.

Если б он хотя бы находился в своей уютной комнате! Здесь у него были проблемы с тем, чтобы сосредоточиться. Он не любил работать на виду, в огромном пропыленном помещении. Однако король желал иметь Хольбранвера под рукой, а он, как человек короля, должен был выказывать послушание.

Владыка питал к нему слабость, хотя серивская знать презирала ученых еще сильнее, чем купцов или банкиров. Вот уже пару лет король держал Хольбранвера в Сериве и платил ему за сооружение сложных весов или за алхимические эксперименты.

Придворная карьера ученого началась с парадокса, который полвека назад открыли купцы из Бранвии. Золото, покупаемое ими в ибрийских колониях, будучи перевезенным на Север, теряло частичку своего веса, чего невозможно было объяснить алчностью моряков или невнимательностью факторов. Хольбранвер первым сконструировал весы столь чувствительные, что они позволили установить объем этой потери, а поскольку устройство было единственным и к тому же довольно сложным в обслуживании, он лично полгода путешествовал сушей и морем до Ибра, чтобы взвешивать там различные материалы. А потом, когда он вместе со всем богатством возвращался на Север, по дороге его дважды повстречали корсары, а еще он пережил куда более опасное приключение, подхватив дизентерию. Но год странствия по миру, в компании дочери и ибрийского невольника, позволил ему утверждать, что на далеком Юге все роды материи, вкуче с базовыми элементами, такими как ртуть, тяжелее на полторы сотые части, чем на Севере.

Король Серивы, вдохновленно принявший его открытие, предложил ему патронат, решил

использовать талант ученого и нанял его для выяснения очередной большой тайны — того, становится ли тело легче после смерти.

Так Хольбранвер сделался главным врагом эклезиярха Андреоса (если не был им уже с того момента, когда пали на него подозрения, что в своей мастерской в Хольбранвии он вскрывал и срисовывал мертвые тела). Ученому это не мешало. Он взялся за новую работу с жаром, недосыпая и недоедая. Могло показаться, что очередные весы, которые он строил, высасывали из него силы, будто ибрийский гуль.

Потом ждало его еще более трудное задание. Он познакомился почти со всеми серивскими медиками, когда искал пациента, что был бы на грани жизни и смерти, а к тому же — находился без сознания, так чтобы его движения не сбивали настроек весов. Он открыл, что этим условиям удовлетворяют люди, укушенные редкой разновидностью змеи; умирали они несколько дней, неподвижные, словно мраморные скульптуры. Он разыскивал таких по всей провинции, а потом сидел часами в изголовье ложа, словно тучная карикатура смерти, подле своей огромной конструкции, вместе с доченькой, что всматривалась широко распахнутыми глазами в указатели, когда Хольбранвер слабел и засыпал.

Ему удалось провести три таких попытки. Он даже создал теорию, согласно которой в момент смерти разрывалась тенепространственная связь между человеком и его тенью, что всю жизнь стягивала их друг с другом с едва измеримой силой. Однако прежде чем он закончил работу, прежде чем измерил силу притяжения людей и теней, очередная вещь увлекла его внимание. Он прочел трактат некоего шлифовальщика драгоценных камней в Прахове о том, как свет солнца меняет свои свойства, когда проходит сквозь призмы и узкие щели. Хольбранвер забросил весы, принялся штудировать пропыленные труды анатозийских ученых, разговаривал с тенемастерами, семь дней кряду бродил по своей комнате от стены к стене, размышляя, и наверняка помер бы от голода, если бы Саннэ не приносила ему еду.

Потом он приступил к экспериментам. Ему удалось убедить молодого короля, и вскоре по городу пошел слух, что владыка полдня провел в его мастерской на чердаке без движения, в то время как дьявол Хольбранвер держал перед ним какой-то ящичек и говорил владыке (как же он посмел!), чтобы тот сидел спокойно и не двигался — словно коню, которому подковывают копыта.

Но то, что должно было стать идеальным королевским тенеграфом, оказалось чем-то совершенно другим, неожиданным. Когда Хольбранвер вспомнил образ, который он увидел нынче утром на стене комнаты, он почувствовал, как начинают потеть его ладони. Владыка настаивал, чтобы Хольбранвер показал результаты своих экспериментов, камергер же недвусмысленно давал понять, что довольно давно уже он не предоставлял никаких открытий, а ведь ученый без открытий словно художник без картин — бессмыслен, жалок и уж наверняка недостоин двенадцати золотых эскудо месячной стипендии.

Хольбранвер знал, что новейшее его открытие выходит за рамки оптики и мерных весов. Зато восходил он на опасные тропы философии и теологии, где опыта у него почти не было. Ведь полагал он себя лишь любознательным часовщиком, который пытался применить правила механики и математики к другим областям жизни.

Впервые в жизни Хольбранверу требовалась помощь.

Он подумал о дочке. И тогда под потолком библиотеки прокатился эхом звук быстрых шагов. Ученый был куда как далек от веры в знаки, но стечение обстоятельств его удивило. Это приближалась Саннэ, как по заказу.

Он поднял взгляд. Из-за стекол тяжелых очков глаза его напоминали глазки крота.

— И куда ты, дитя, деваешься, когда ты мне нужна?

— Папа сам говорил, чтобы я не сидела здесь, и я пошла в сад. А теперь я пришла накормить кролика. Уже час.

— Он накормлен, Саннэ. Не знаю, отчего я кормлю это бесполезное животное. Нет от него никакого толка.

Девочка подошла к столу подле окна, и ее светлые волосы засверкали под светом солнца. Подняла темные занавеси. Погладила животное, осторожно, чтобы не зацепить его тень.

У кролика было две головы, причем одна казалась мертвой. Торчала на плечах под странным углом, словно усохшая и скорченная половинка ореха. Помещавшиеся на ней глаза, постоянно открытые, были затянуты бельмами и казались высохшими.

Эта дополнительная голова наверняка была для животного серьезной тяжестью, поскольку казалось оно слабым и больным. Шерсть с его брюха сходила целыми пластами. Но это не мешало Саннэ чесать его за ушком с ласковой улыбкой, хотя большинство девочек, увидев такое, сбежали бы в страхе.

Хольбранвер вспомнил, что когда он сам был в ее возрасте, то разрезал и зарисовывал углем мертвых зверей. Может, у дочери его и было угловатое, резкое лицо ее матери, с маленьким ртом и высоким лбом, столь отличное от округлых, женственных лиц серивских дам. Однако характер свой и нрав она унаследовала от отца. И это заставляло Хольбранвера сильно переживать.

— Саннэ... скажи мне... что мы делаем, когда сами не знаем ответа на вопрос?

— Читаем книжки, папа.

— А если и там нет ответа?

— Тогда... советуемся с папой, — засмеялась Саннэ.

— А если папа не знает ответа?

Она посмотрела на него, внезапно посерьезнев и слегка обеспокоившись. Ореол позолоченной пыли висел над ее головой.

— Может, папе следует спросить дядюшку Ремарко? Или другого дядюшку.

Говоря о «дядюшках», Саннэ имела в виду докторов из Королевского Университета Серивы, то есть единственных в городе персон, с которыми Хольбранвер встречался.

Ученый погладил дочку по голове.

Потому что он знал ответ. Сдерживала его лишь личная гордость и боязнь открыть другим то, что он обнаружил.

Он склонился к уху Саннэ и сказал:

— Отнесешь весточку дядюшке Ремарко. Только имей в виду, мне кажется, что в последнее время за мной кто-то следит.

— Не переживай, папа.

Хольбранвер нашептал на ухо дочери все, что хотел. Предпочитал не доверять бумаге. Слишком много было у него врагов среди дворян и слуг эклезиярха.

— Ты поняла? — спросил он наконец.

— Па-а-апа, — Саннэ сделала вид, что возмущена.

— Ладно, тогда вперед, девочка.

Она кивнула и выскочила из библиотеки.

Глядя, как дочка исчезает в темном коридоре, Хольбранвер понял, что запустил он нечто, чего уже не в силах будет остановить.

Тяжело вздохнул и вернулся к столу.

И'Барратора начинал поединки в стойке, называемой *diestro*. Стоя на ровных ногах, боком к противнику, выставлял рапиру перед собой, целясь врагу прямо между глаз, а потом мерил его внимательно взглядом из-под полей широкой шляпы.

На людей из-за пределов Вастилии подобная стойка действовала особенно угнетающе, поскольку казалось им, что каждый шаг приближает их к кончику длинной рапиры, который всегда находился у них перед глазами. Часто они не отдавали себе отчета в скрытой энергии, которая имелаась в легко выгнутом бедре фехтовальщика, в ноге, на которую приходился весь вес тела. Школа северо-восточная учила, что колени всегда должны быть присогнуты, а ноги широко расставлены, чтобы в любой момент обладать силой для выпада. Однако в Сериве было достаточно знаменитых мастеров, которые велели ученикам вместо этого обнаруживать силу, скрытую в бедре. Незнакомые с тайнами серивской шпаги поединщики бывали удивлены тем, сколь неожиданные и глубокие выпады может делать И'Барратора из *diestro* — позиции, казалось бы, столь же неопасной, как и разряженный тенестрел.

Благодаря этому несколько схваток с чужестранцами ему удалось завершить единственным ударом.

Большинство же тех, кто не давал себя обмануть внезапным выпадом, совершали другую ошибку. Не желая напирать прямо на устремленное на них острие, они пытались сбить его в сторону, что И'Барратора им и позволял. Более того, он не парировал удара, так что оружие противника встречало лишь воздух, тот терял равновесие, Арахон же переходил в короткий *demi-volte*, половиной оборота приводящий к сокращению дистанции. Было это возможно, поскольку клинок противника в этот момент находился сбоку от И'Барратора. Фехтовальщик вворачивался, словно шуруп, в дистанцию, отделяющую его от противника, а потом заканчивал дело дагой.

Теперь, когда девица и головорез Аркузона атаковали его, он не стал ждать. Ударил в выпаде этого второго, уколол его, сбил дагой его абордажную саблю и хотел продолжить напор, однако женщина засыпала его градом ударов и уколов столь быстрых, что перехватила у Арахона инициативу. В результате он сосредоточился на ее ударах, и тогда наемник-партнер бросился на него, пытаясь сбить на землю.

Арахон отскочил за кипы материи, пытаясь разделить противников. Парировал молниеносный укол женщины, нырнул за стеллаж с товаром, после чего левой рукой ухватился за столик. Кальхира и ее сотоварищ произвольно отклонились, но Арахон метнул тяжелую мебель не в них, а в ставень высокого потолочного окна.

— Я надеялась на нечто большее от прославленного... — начала девица, но смех ее угас, поскольку сверху внутрь пролилось золотое сияние.

И'Барратора проскользнул танцевальным движением между ней и головорезом, а потом буквально растворился в тени между свитками материи, словно бы поглощенный землей.

Но это был лишь обман зрения, и, прежде чем ослепленная сиянием Кальхира сумела его высмотреть, раздался крик испуганного Реальто Аркузона.

И'Барратора шагал в сторону света, ведя перед собою купца — с приставленным к его шее кинжалом.

Они встали вдвоем, боком, так чтобы место, где И'Барратора вывернул за спину руку Реальто, еще оставалось в тени, но плечи их и головы, почти соприкасаясь, находились уже в

солнечном столпе.

— Убей его! — кричал Аркузон. — Убей!

— Не могу, — Кальхира опустила клинок.

— Ты, сука, шалава портовая, ты ведь говорила, что и не с такими справлялась! Испугалась?

— Вы не понимаете, господин Аркузон, — ответила со своим странным акцентом девушка, указывая кончиком шпаги на тени, вырисовывающиеся посередине солнечного пятна.

Только теперь купец взглянул вниз и завыл:

— Ты сбрендил, Арахон! Не сделаешь...

— Сделаю.

— Это действует в обе стороны.

— А что ты скорее потерял бы: жизнь или кусочек души? А у меня ее и так немного.

— Инквизиция...

— Не трогает таких, как я. Ты должен бы это знать. Риски велики, выгода мала.

— Ты сбрендил, не решишься! — снова крикнул купец.

— Ты прав, — ответил И'Барратора.

И толкнул Реальто изо всех сил в направлении Кальхиры, поскольку не рад был бы соединению с такой гнидой, как он. После такого что-то могло остаться в тебе, проклятие на всю жизнь, столь же опасное, как незатянувшаяся рана.

Кальхира не стала ловить патрона. Напротив, толкнула его локтем в бок, поднимая рапиру, но забияка подле нее оказался не настолько рассудителен. Может, полагал, что сумеет защитить работодателя, может, отреагировал инстинктивно, видя, как его господин летит лицом в доски пола. Придержал он Аркузона и даже не заметил блеска рапиры, которая, словно молния, выстрелила над плечами купца и воткнулась ему в глаз.

Кальхира тотчас перешла в атаку, однако И'Барратора сбил ее удар дагой, а потом отскочил, высвобождая рапиру.

Она сняла шляпу, отбросила ее в сторону. Свистнула несколько раз клинком.

— Аркузон говорил, что ты одна из лучших шпаг Серивы, — сказала. — Я приплыла учиться у здешних мастеров. Ты дашь мне первый урок.

— Причем сразу и задаром, — ответил мужчина. — Уйди. Ступай в порт, садись на корабль и возвращайся туда, откуда ты приплыла.

— Знаешь, скольких я послала к черту?

— Вот видишь, подходящий момент для тебя. Ступай к черту и не суйся туда, где тебе не место.

Девушка фыркнула. Кинулась на него с уколом быстрым, словно движение глаза. Он понял, отчего она была столь уверена в себе.

Без сдерживающих ее с обеих сторон головорезов она сделалась куда опасней. Была ловкой и гибкой. Чуть присогнув колени, широко расставив ноги, она наносила яростные уколы, словно разъяренная кобра. При этом выбрасывала вперед тело в агрессивных выпадах, характерных для восточной школы мастера Ангела Виджианеджо. И'Барратора мог представить, что в своих землях она могла быть лучшей — первая шпага какой-нибудь приморской страны. Но, как и многие провинциальные фехтовальщики, ежегодно прибывающие на соревнования за подвязку королевы, она просчиталась, приплыв в Сериву. Потому что здесь слишком много парней приучалось к шпаге уже с того момента, как они

начинали ходить.

Они скрестили клинки, разошлись, звеня рапирами, снова сошлись. И Барратора поднажал всем весом, так что ей пришлось отступить. Они поменялись местами, и тогда Кальхира выругалась, поскольку поняла уже, что именно происходит. Противник ее не имел намерения сражаться, хотел лишь сменить позицию, совершить удачную рокировку, после которой он встал над поднимающимся с земли купцом.

Не спуская с девушки глаз, фехтовальщик воткнул дагу по самый эфес в середину закривка Реальто Аркузона.

Он даже не взглянул вниз, когда богатый и влиятельный купец из Серивы, трапезничавший за одним столом с грандами двух родов, взвизгнул, свернулся в клубок, выплюнул изо рта темную кровь и помер. Поскольку я всегда находил своеобразное удовлетворение в цифрах, скажу вам, что Аркузон был тридцать девятым человеком, погибшим от руки И Барратора.

— Убийца, — прошипела девушка.

— И кто бы говорил?

— В спину? Лежащего? Так вы сражаетесь в Сериве?

— Лучше заманить человека в ловушку и напасть втроем?

— Мерзавец.

— Послушай меня. Аркузон мертв, а значит, тебе он не заплатит. У нас говорят, что смерть работодателя разрывает контракт. История окончена. Уходи.

Он очень хотел, чтобы Кальхира поняла. Он так сильно хотел избежать боя, что отказался даже от планов допросить Аркузона. Однако было у него неприятное впечатление, что та самая гордыня, которая подталкивала девушку, чтобы ухватиться за рапиру в мире, где властвуют мужчины, чтобы скрещивать клинки с пиратами и профессиональными убийцами, станет и причиной ее гибели.

— Аркузон был прав. Ты словно бешеный пес. Мог сбежать, но захотел лизать кровь.

— Ты за кровью приплыла в самую Сериву. Еще можешь отступить. Это не игры. Если мы начнем — один из нас погибнет.

— Я не знала, что прославленный Арахон Каранза Мартинез И Грената И Барратора столь труслив.

Он так и не сумел ударить первым. Хотел сохранить надежду на мирный конец до последнего момента. Это Кальхира бросилась на него с яростью.

Была ловкой и быстрой, знала шаги и удары, но он тренировался всю жизнь. Движения его были экономными, но стремительными и сильными. Благодаря длине рук и массивной военной рапире доставал он чуть дальше. На три ее удара наносил один, но куда более опасный. Уже при первом обмене уколами он почти прошел ее навывлет.

Улыбка быстро исчезла с лица девушки, уступая место мрачной обреченности. Вероятно, она никогда не сражалась с таким противником. И Барратора был адептом Магического Круга — старой серивской школы фехтования. Его первый учитель, одноглазый портонец, который тренировал его давным-давно в поместье, называемом Саранха, был учеником создателя оной школы, мастера Каррантиды.

Арахон на всю жизнь запомнил две страницы, густо испещренные линиями и черными абрисами ступней — эту схему портонец вбивал ему в голову два года. Своим ученикам И Барратора рисовал их по памяти.

Если, услышав «магический круг», вы думаете о заклинаниях, чародействах, порошках

из ручек младенца — вы ошибаетесь. Магический Круг с колдовством имел столько же общего, сколько Укол Королевы с Гонзагой IV, королевой-матерью. Была это техника, порожденная соединением геометрии и фехтования. Каждая ситуация между сражающимися заключалась в многоугольник, испещренный диагоналями, а вернее, в два многоугольника, которые можно было нарисовать вокруг обоих фехтмайстеров. Размер и количество линий зависели от длины рук, от оружия сражающихся и от того, какая рука была главной, а в какой — держали они дагу. И как в геометрии все можно описать линиями, так и на каждое положение рук, ног и оружия, которое мог принять противник в своем кругу, существовала хорошая контратака.

Когда один из сражающихся принимал какую-нибудь позицию, ставя ногу туда, где на листках были черные абрисы, и держа оружие вдоль одной из линий, тогда часть круга противника делалась потенциально опасной. Или наоборот, трудной для контратаки. Хороший мастер Круга видел все это, рисовал в голове поля поражения, линии возможных ударов, положения стоп, а потом ударял, но лишь когда и вправду получал такой шанс. Например, когда ноги противника находились в позиции, которая давала возможность безопасного приближения под определенным углом. Или когда оружие атакующего пересекалось с линией, на которой парировать удар, идущий в определенном направлении, было бы сложно.

Искусство Магического Круга состоит в моментальном подборе наилучшего контрдействия на то, что делает противник. Однако это требует памяти столь совершенной, воображения столь богатого, мысли столь быстрой, что лишь немногие из фехтовальщиков в Сериве в полной мере его понимали и умели им пользоваться. К тому же, плохо выученная, техника эта была куда опасней для фехтовальщика, ею пользующегося, нежели для его врагов.

Теперь, не спуская взгляда не только с клинка, но и со стоп, бедер и колен противника, Арахон молниеносно отвечал ударами. Девушке казалось, что этот человек каким-то необычным образом предвидит будущее. Прежде чем она развешивала до конца свою атаку, И'Барратора уже готов был ответить. Несколько раз она едва успела парировать, ее гарда легко подрагивала.

Но И'Барратора тоже был пойман врасплох ее техникой боя. Каждый раз, когда он полагал, что девушка отступит, внутри ее тела словно взводилась таинственная пружина, благодаря которой, независимо от того, сколь сильно он прижимал ее серией атак, Кальхира сразу же отвечала еще сильнее.

Они обменивались ударами долго, молча, стуча по доскам каблуками, поднимая облачка пыли.

Уголком глаза мужчина видел разложенные на стеллажах стопки материи. Будь девушка обычным головорезом, он начал бы водить ее вокруг, ища случая, чтобы что-нибудь сбросить на нее, выбить ее из ритма и заколоть точным ударом. Но это уже не был бой с тремя противниками. Это был поединок с кем-то, чье имя было ему известно, — а поединки управлялись несколько иными правилами, даже если на этот раз единственным свидетелем был вытаращивший мертвые глаза Аркузон.

И'Барратора старался сосредоточиться только на бое, но между взблесками длинных клинков он видел и лицо девушки. Знал, что встретиться они при других обстоятельствах, наверняка сделались бы они друзьями, а то и любовниками. Видение этого почти гипнотизировало его. Он ведь мог попытаться разоружить противницу. Или оглушить ее,

неопасно ранить, подарить ей жизнь, сделаться ее проводником по Сериве.

Эта возможность искушала его до того самого момента, когда они ударили одновременно, а его рапира в последний миг проскользнула над ее клинком и воткнулась в ее левый глаз, углубившись в серые пласты мозга.

Когда она упала на землю, И'Барратора понял, что совершил смертельную ошибку.

Он слишком сосредоточился на схватке и собственных мыслях, забыв о пятне света, которое оказалось слишком близко. И о собственной тени, которая на этом пятне виднелась. Кальхира соскользнула именно туда, испустив последний вздох. И'Барратора отскочил как ошпаренный, но на короткий момент, прежде чем свет перед ее глазами угас, они соединились.

Это было как вспышка пороха. На единственный миг его прошла боль в левой глазнице — и сверкнули воспоминания: ряды лиц, крепость на исхлестанной ветрами скале, резкая зелень джунглей, странное, зловещее лицо ибрийской шаманки, предательство, печаль, уязвленная гордость и голоса, сотни голосов; слова из всей жизни, из дюжины жизней пролетали у него в голове, а большинство были на языке, который он уже почти научился понимать, — когда все вдруг завершилось.

Кавалер И'Барратора покачнулся.

Сразу после этого он повернул голову, чтобы не смотреть на девушку. Пославши в могилу множество людей, он знал, что лучше уж странное ощущение пустоты, отсутствие определенности, которое всегда на него опускалось, когда он оставлял за собой трупы, не уделив им даже секунды своего внимания, чем вид мертвых лиц, которые прилипали к векам столь сильно, что смыть их не могли ни винные наводнения, ни самый глубокий сон.

Как лицо Ариего, которого он убил прошлой ночью.

Арахон еще лишь обыскал Реальто и вытащил у него из-за пазухи довольно пузатый кошель. Спрятал его за пояс, а потом вышел наружу, погружившись в пульсирующую жизнью, шумный город.

Уже при свете дня он понял, что знает об этой женщине слишком много. Звалась она Кальхира Эльрива Альмуахар, родом была с теплого острова Патра и побережья северного Ибра. Было что-то еще, какая-то мысль насчет весьма важной миссии и заговоре, о котором он должен был вот-вот узнать, однако И'Барратора придушил эту мысль. Энергично зашагал вперед, желая как можно скорее удалиться от суконного склада и от четырех трупов.

Казалось, тень на миг остановилась позади своего хозяина, словно желая еще раз взглянуть на тела, — и приподняла шляпу.

Саннэ выскочила в коридор, а потом на свет, на большую дворцовую лестницу, с которой открывался вид на крыши и площади Серивы, на ее террасы, два залива и искрящееся море. Она сбежала вниз, почти столкнувшись с придворными дамами, прервав им длинный ритуал *la baila*, придворного обхода, проводимого в светлую пору всеми культурными людьми.

Она пробежала улочками дворцового квартала. Раз-другой кто-то крикнул на нее, поскольку она едва не наступила на чужую тень, проносясь мимо людей куда ближе, чем в эту пору позволяли серивские обычаи. Проскальзывала она сквозь пространство, полное прилавков, прохожих, телег и бестенных лошадей столь же быстро, как сквозь черный мир теней. Была она ловкой. На Севере привыкла гоняться ради забавы за котами и собаками, но в Сериве почти не попадались маленькие звери. Суровые законы запрещали держать в городе созданий, которым не обрезали тени, а услуги тенемастеров были дороги.

Вскоре Саннэ оказалась под домом Ремарко Мартинеза, ректора серивского университета, председателя Королевского Теологического Совета, которого сама она называла просто лысым дядюшкой.

Мартинез имел слабость к хольбранвийцам, поскольку вторая жена его происходила из Алефбааха, из родных сторон Хольбранвера. И пускай умершая пять лет назад женщина обладала голосом, подобным заржавевшим железным петлям, задницей, подобной мешку с шерстью, а также привычкой громко пускать ветры, но когда она отошла в иной мир, мастер Ремарко уже во время первой тихой ночи понял, как сильно не хватает ему супруги, — и истово зарыдал.

С Хольбранвером официально он встречался по делам науки, неофициально же — чтобы играть в шахматы за бокалом густого серивского порто. Но на самом деле для того, чтобы слушать суровый акцент Хольбранвера и расспрашивать его о родных его краях, вспоминая свою дорогую супругу, ее покрикивания, храп и ветры, а затем, между движениями фигур, утирать кончиком большого пальца слезу в уголках глаз.

Саннэ еще не дотягивалась до молотка-колотушки, потому она просто отворила дверь и вбежала внутрь. Ремарко она нашла в кабинете внизу, с большим томом на коленях, громко храпящего.

— Папа прислал известие, — крикнула она так громко, что лысый дядюшка аж подскочил.

— Саннэ? — спросил, протирая глаза. — Это мило с твоей стороны, правда, но что случилось с Армандом? Маленькая девочка и вправду не должна в одиночку бегать по улицам.

Саннэ скривилась.

— Я не маленькая девочка. А это важно, очень-очень важно. Арманд бы что-то перепутал или кому-нибудь рассказал бы. Папа думает, что ему уже давно платят люди эклезиярха или шпионы Детрано. А скорее всего — и те и другие.

Только теперь Ремарко проснулся по-настоящему. В один момент старческая медлительность спала с него, словно свинцовый плащ, взгляд сделался острым. Если уж известие было секретным, он видел три возможности. Первая: Хольбранвер все еще продолжал свою подрывающую закон и обычай практику вскрытия трупов. Обнаружил что-то новое, чем неотложно хотел похвастаться. Вторая: он снова дал втянуть себя в дворцовый

заговор, который завершился чьей-то смертью. Третья: он проговорился о еретических идеях еклезиарху, и оказался в Голодной Башне, и теперь дожидался помощи.

Он дал Саннэ знак, чтобы та продолжала, и она слово в слово повторила известие от отца. Хольбранвер в двух словах описывал в нем собственное открытие, подчеркивая его значение, обещал презентацию и просил о встрече с докторами разных дисциплин и о дискуссии, которая могла бы пролить на его достижение немного света.

Когда она закончила, Мартинез был синим, будто труп.

— Это невозможно. Просто-напросто невозможно. Скажи отцу, что, конечно, я и вправду могу пригласить несколько человек из академии. Но столь необычная концепция требует необычных доказательств. Я надеюсь, что твой отец знает, что делает, поскольку — Великий Свете! — иначе его засмеют так, что и сам король ему не поможет. Я уже слышу, как станут говорить в коридорах университета: «Проклятый Хольбранвер в очередной раз смеется над нами, а мастер Мартинез ему в этом помогает!» Конец, моя дорогая, конец нам обоим! Однако, если бы такое и вправду удалось... Тогда говорили бы: «Хольбранвер — величайший мудрец со времен Альрестела, а его учитель, мастер Мартинез, — человек настолько же великого ума...» Великий Свете, я надеюсь, что он не ошибается!

— Да, дядюшка. Не переживайте, папа вас не подведет.

— Еще посмотрим, дорогая моя. Еще посмотрим... Послушай, передай отцу, чтобы он приготовился к показу на завтра. Я приглашу нескольких доверенных особ на пять часов в Зал Медиков. Отсюда беги прямо домой, главными улицами. И не дай себя никому зацепить, а прежде всего — ради богов Ибра! — не говори никому о том, что сделал папа. Никому, понимаешь. Одно неосторожное...

Он внезапно прервал себя, поскольку ему показалось, что за дверьми он услышал шорох. Но ничего не повторилось, а мастер Мартинез был уверен, что в доме они одни, и потому он снова повернулся к девочке.

— Да, дядюшка, — сказала Саннэ. — Я понимаю.

— Ну хорошо. Беги, девочка, — ответил он, вытягивая из шкатулки маленький сахарный шарик.

— Я уже... — начала Саннэ, но через миг взяла конфету и выскочила из мастерской.

Сразу после того как девочка вышла из дома мастера Ремарко, покинул его и некий слух. Породила его голова экономки мастера, госпожа Мархияс, когда та пришла с рынка намного раньше, чем обычно, а по дороге на кухню на минутку остановилась под дверью кабинета. Подслушанный разговор так ее возбудил, что, едва лишь распаковав корзину, она побежала к подруге, чей муж — временно лишенный работы крысолов — тоже оказался дома. Подслушав разговор кумушек, мужчина понял, что новость может оказаться достойна нескольких серебряных монет. Потому он отправился прямоком к знакомому купцу, чей амбар он некогда спас от нашествия грызунов. За сплетню он получил горсть гнутых шеклей, купец же понес ее дальше, к дому, где ее перехватили его сын и дочь, после чего с каждым из них она отправилась дальше.

Сын передал ее за картами знакомым кутилам, те шепнули ее своим патронам в надежде, что она придется им по вкусу и принесет немного денег. Патроны из трех разных родов еще в тот же день проконсультировались насчет новости с собственными учеными. К тому же на каждом этапе своего пути сплетня ширилась, попадая в уши куртизанок, слуг, друзей, детей.

Таким вот необычным образом, всего-то за день, из-за одной служанки, которая

оказалась под дверьми ректора Ремарко Мартинеза в неподходящий момент, еще до вечера большая часть важных персон в Сериве знали, что ученый с Севера сумел открыть нечто противное законам природы.

Все качали головами, пытаясь догадаться, что бы это могло быть. И даже самые горячие противники, завистливые ученые, дворцовые конкуренты и сам эклезиярх Андреос не могли и подумать, что демонстрация завершит придворную карьеру ученого так быстро и так решительно.

И не мог к этому привести даже донос, который Мартинез написал в ту же минуту, как Саннэ покинула его дом.

* * *

Солнце давно миновало зенит, тени удлиннились. Утренний гам на улицах стих. Чем больше пространства пожирала темные пятна, расплзшиеся по городу, тем меньше людей выходило наружу. Начиналась дневная сиеста, время длинных теней, когда обитатели Серивы в безопасном укрытии домов отдыхали ото дня, начатого еще до рассвета. Копили силы для вечера, когда свет луны, более безопасный, чем пронизывающее сияние солнца, позволит снова — и без страха — выйти на аллеи столицы, чтобы пить, танцевать, развлекаться до утра.

Серива воистину жила лишь ночью, и теперь, затаившись, нетерпеливо ожидала сумерек.

И'Барратора даже не заметил, что город обезлюдел. Он шел вперед, глядя под ноги, а чужие тени обходил, скорее, благодаря привычке, чем специально.

Кошель с золотом (он уже посчитал — пять золотых эскудо и несколько серебряных реалов) давил ему на грудь. Нечасто бывала у него при себе подобная сумма. В Сериве жизнь человеческая была дешева, в то время как хорошее оружие и информация стоили немало. Немало стоили также медики, алхимики, своего стоила и комната на улице Аламинхо. Потому и суммы, которые И'Барратора откладывал у знакомого банкира на старость, всегда были жалостно скромны, и на нынешний день наверняка меньше, чем один этот кошель.

Подумал он, что это, возможно, хорошее время, чтобы заглянуть к Бенингу — лысому и хрому торговцу, который привозил в Сериву множество ценных томов. Какое-то время назад был у него на продажу фехтовальный трактат с чудесными иллюстрациями, произведение анонимного мастера (причем имелись подозрения, что автором мог оказаться сам Пурпурный Капюшон, Рехаур дель Аргон, в половине стран мира приговоренный к изгнанию). Подобный трактат мог бы почти сразу поднять престиж хиреющей школы И'Барраторы.

Арахон Каранза Мартинез И'Грената И'Барратора не поддавался, однако, искушению и не стал проведывать книжника. Хотя имел право расслабиться в качестве компенсации за засаду, организованную Аркузоном, и за смерть ученика и друга, однако он понимал, что не заработал этих денег честно, согласно контракту. Эрнесто Родригано все еще был жив и наверняка нетерпеливо кружил теперь по комнатам своего дворца у Площадей Шести Родов, планируя очередные подлости. Из-за него погибло пятеро людей, из которых как минимум двоим — Ариего и таинственной девушке — И'Барратора смерти не желал.

Пять жизней за пять круглых золотых эскудо.

Немногочисленные прохожие расступались перед задумавшимся фехтовальщиком, шагавшим по узким улочкам. Наконец он добрался до знакомого трехэтажного дома с белеными стенами и плоской крышей, с раскрашенным синим балконом, с которого видна была засыпанная мусором улица. Никто не желал здесь обитать — слишком близко к Треснувшему Куполу и высыющемуся в нем Ребру Севера, которое в последнее время, словно воткнутая в течение ручья палка, рассылало по тенепространству складки и волны. После того как здесь несколько раз одичали тени, более богатые обитатели оставили свои дома. Их место заняла беднота, а с ней пришли грабители, разодетые уличные девки, прокаженные и бестенники.

Арахон долго стучал дверным молотком, пока наконец не ответил ему скрип отворяемых засовов. Дверь открылась, и в узкой щели он увидел смуглое продолговатое лицо с длинным благородным носом и сжатыми губами, покрытыми слоем кармина. А ниже — ладонь и небольшой пистолет с колбой из темного дерева, инкрустированной слоновой костью.

Какой-то миг И'Барратора не знал, чем все закончится. Глаза донны Иоранды, как всегда, были холодны и непроницаемы.

Он вытащил из-за пазухи кошель, и тогда дверь отворилась настежь.

— Дядя Арахон! — донеслось откуда-то из темноты, и сразу после этого вылетела оттуда маленькая фигурка, подскочила к мужчине и обняла его за ноги.

И'Барратора без слов взъерошил мальчишке волосы, глядя одновременно на донну Иоранду, чтобы удостовериться, что женщина не против этого. Потом вошел внутрь.

Внутри было вовсе не бедно, ему казалось даже, что с момента последнего его посещения тут сменились шторы, а в главной комнате на втором этаже появилось деревянное трюмо. И'Барратора поймал себя на мысли о том, для кого Иоранда могла бы так краситься, и сразу же одернул себя. Некогда она была дамой, поэтому ничего странного, что она все еще хотела соответствующе выглядеть. А даже если кому и продавала себя, как в те дни, когда после смерти мужа оказалась в нужде, он не имел права ее осуждать, хотя сама мысль о том, что она могла снова принимать клиентов, заставляла его кровь кипеть.

Не зная, что делать, они уселись за стол. Мальчишка воспринял это как приглашение и сразу же вскочил фехтовальщику на колени. Сделал это без малейших раздумий, отчего Арахон смешался. В этом возрасте должно бы уже спрашивать разрешение, прежде чем нарушить приватное пространство другого человека, тем более что солнце еще не зашло.

— Дядя Арахон! Ты сегодня убил каких-нибудь плохих людей? Бах, бах! Научишь меня, дядя, чему-нибудь новому? Тот укол я целую неделю учил, показал его даже мальчишкам с улицы, а стражник из городской гвардии, господин Аргонез, когда увидел, как я это делаю, смеялся и говорил, что когда-нибудь я выиграю турнир...

Мальчишка не переставал болтать. И'Барратора смотрел поверх его головы на донну Иоранду, которая сидела на фоне темной стены, за столом, сложив белые ладони на столешнице. Блестящая юбка из зеленого батиста и бледное лицо по контрасту с темным фоном выглядели, словно идеальное кьяроскуро влаанмаркских мастеров кисти. На лице женщины он, кажется, даже заметил легкое обещание улыбки, которую северные мастера столь часто старались ухватить, создавая портреты дам.

Джахейро попытался вытащить у него из-за пояса дагу. Донна Иоранда наконец улыбнулась.

— Сынок, ступай вниз, маме нужно поговорить с дядей Арахоном.

— Но ма-а-ама!

— Ступай вниз. Если будешь вежливым, дядя научит тебя чему-нибудь новому. Невежливым мальчикам не дают в руки рапиры, потому что это может принести несчастье.

Джахейро сжал губы, а потом соскользнул с коленей И'Барраторы. Спустился по скрипящим ступеням, недовольно топая.

— Кто на этот раз? — холодно спросила донна Иоранда, когда сын был уже внизу.

— Что?

— Кого ты убил? Если приходишь и отдаешь мне это, — указала на толстый кошель, который фехтовальщик положил на стол, — значит, мучает тебя совесть.

— Я...

— Только не ври. Я еще чувствую на тебе кровь.

— Реальто Аркузон. Он предал меня, попытался убить.

— Гнида. Не верю, чтобы ты о нем жалел. Кто еще?

— Двое приспешников... и какая-то женщина.

— Все понятно, — вздохнула она. — И что? Полагаешь, что кошель все изменит? Думаешь, я тебе кто? Тряпка, о которую ты можешь вытирать залитые кровью руки? Твоя совесть?

— Если ты не желаешь меня здесь... — пробормотал он, приподнимаясь.

Белая ладонь ухватила его за предплечье.

— Нет, останься. Я не хотела, чтобы это прозвучало так жестко. Просто... Когда ты, черт побери, был здесь в последний раз? Месяц назад? Я чувствую себя такой...

— Прошу прощения.

— Я с самого начала должна была тебя возненавидеть.

— Аргонез тут был? Зачем? — И'Барратора решил сменить тему.

— Он беспокоится. Говорит, что это уже ненормальный квартал для одинокой женщины.

— Он прав.

— Перестань, Арахон. Помнишь, как я воткнула тебе стрелу в бедро, когда ты впервые сюда вошел?

— Я был один, но...

— Да ладно тебе. Ну, хватит. Съешь что-нибудь?

Он заколебался, но потом кивнул. Если чего-то сейчас он и хотел, то лишь как можно дольше оставаться в этом доме, где пахло крахмалом, сушеными травами, розовой водой, женской пудрой. В доме, наполненном исцеляющей тишиной и темнотой.

Донна принесла два оловянных кубка, наполненных разведенным водой вином, деревянную тарелку с кусочками сыра и холодного мяса и нарезанным хлебом. И'Барратора сразу вонзил зубы в мясо, обильно посыпанное грубо молотым перцем.

— Мой муж тоже так выглядел. Всегда, когда он возвращался из... ну, понимаешь. Он тогда всегда был голоден. Не говорил этого, но я видела по его глазам. Убийство вызывает аппетит.

Очередное воспоминание, о котором И'Барратора предпочитал бы не слышать.

— Ты иногда выходишь? — сменил тему.

Она пожала плечами.

— Джахейро выходит. Рассказывает мне все, что услышит на улицах. Порой болтает часами. Он умный мальчуган, ты даже не догадываешься, сколько он знает о жизни.

— Он знает, что...

Ее лицо исказила гримаса, и Арахон тотчас решил, что теперь именно он поднял неподобающую тему.

Порой ему казалось, что их разговоры — будто ухаживания двух ежей.

— Нет, конечно же, нет, — ответила она. — Ты полагаешь, что иначе я бы пустила тебя на порог? Не будь наивным, Арахон!

— Сейчас у меня есть время. Я думал, мы можем провести его вместе.

— Как? Пойти в твою таверну? Сидеть там с потными мужиками, с тем буффоном Д'Ларно и нудным Каминой? За кого ты меня принимаешь? Только этого не хватало!

— Я не это имел в виду.

— А что тогда, Арахон? Потому что я не вижу в этом городе больших возможностей для наемного разбойника и бывшей шлюхи.

Сказала она это столь мягко, с такой легкой улыбкой, что он не нашелся, что ответить. Он с трудом проглотил несколько кусков, а потом уставился на свои руки.

— Знаешь, почему ты ко мне пришел? — спросила она через минуту. — Потому что начинаешь терять контроль над собственной жизнью. Четверо убитых за день? А сколько за последнюю неделю, за месяц? Этого никто не выдержит, Арахон, разве что палачи эклезарха. Но наверняка не нормальный человек вроде тебя.

Он беспокойно шевельнулся, открыл рот, но донна Иоранда не позволила ему говорить.

— Да, я знаю, ты считаешь иначе: что это такая же профессия, как и любая другая, и тот, кто берется за оружие, понимает, что может от оружия и погибнуть. Но подумай кое о чем другом. Четыре человека? А люди ведь не живут одиноко, каждый из них — часть большой системы, рода, у них есть друзья, сторонники. От каждого из нас расходится во все стороны целая паутина. Вырезаешь человека из сердцевины этой паутины, и она начинает рваться. Нитки расходятся во все стороны: семьи в трауре, осиротевшие дети, жаждущие мести братья, страдающие любовницы. С каждой смертью в Сериве появляется все больше таких свободных концов, все легче в них запутаться. Скажи, Арахон, когда все это рухнет? Есть ли еще какое-то место в этом городе, которое ты не зацепил своей рапирой? Полагаю, что нету, иначе бы ты ко мне не приходил. К оборванной нитке.

Фехтовальщика в очередной раз поразила пронизательность этой женщины.

— Иоранда... — начал он осторожно. — Ты говоришь о какой-то паутине, о кругах по воде, которые расходятся при каждом движении. А что с людьми, чьи круги — куда шире моих? Что с Эрнесто Родригано, с Аркузоном, с грандами, королем, эклезархом? Такие у нас времена. Серива — кипящий котел, а не спокойное озерцо, в котором лишь я мучу воду, как ты хочешь это изобразить. А если я сам — всего лишь круг? Если это из-за Ламмондов и Аркузонов, живущих в этом городе, я делаю то, что делаю?

— Да, я уже такое слышала. Винсенз рассказывал то же самое, — лицо Иоранды внезапно укрылось в тени. — Знаешь, почему я тебя не застрелила, когда ты пришел сюда впервые после его смерти? Когда я увидела, как нагло ты прокрадываешься в дом, где еще царит траур?

Он не ответил, всматриваясь в трещины на столешнице.

— Потому что смерть — это не ответ на смерть. Кровью не смоешь кровь, а лишь сильнее в ней перепачкаешься. Перерезая новые нити — не восстановишь паутину. Этого ни ты, ни Винсенз никогда не понимали. О нем я могу лишь плакать, но надеюсь, что ты это поймешь, пока у тебя есть время. Полагаешь, что смерть Аркузона никак не аукнется?

И'Барратора молчал. Медленно протянул руку, словно к пугливому зверьку, а потом положил ее на ладонь донны Иоранды. Но когда их руки встретились, глаза разошлись.

Наверняка вы раздумываете над тем, кто я такой, чтобы столь подробно наблюдать интимные моменты Арахона и вдовы Винсенза де ля Роя? Боюсь, пока что я не сниму маску. Сперва выслушайте всю историю, чтобы на суждения ваши не повлияло мое имя, профессия или степень близости с Арахоном И'Барраторой.

После ужина женщина спустилась вниз, чтобы проверить, спит ли мальчишка. Арахон почувствовал, что должен вдохнуть свежего воздуха. Отодвинул скобу на дверях в конце комнаты и вышел на маленький балкончик над спускающейся в сторону порта улицей. Выпуклая брусчатка лоснилась в свете заходящего солнца. Она ослепила И'Барратора, так что прошло некоторое время, прежде чем он заметил, что именно сделал. Вскочил, словно ошпаренный, внутрь. Ибо тень его отбрасывала длинную линию на весь переулок.

Он задумался на мгновение, какой строитель мог спроектировать в таком месте балкон без крыши, и не подкупил ли случайно Винсенз королевского инспектора. Балкончик наверняка не служил для того, чтобы проводить на нем время — разве что ночью. Для чего же он был нужен? Был ли это путь к бегству? Или, возможно, оружие?

Арахон вспомнил, как он много раз взбирался этой улочкой, чтобы добраться до задних дверей дома. Сразу же воображение подбросило ему картинку: две дюжины дворцовых гвардейцев шагают вверх по переулку, чтобы арестовать Винсенза, а он внезапно оказывается на балконе с солнцем за спиной. Отбрасывает на всех свою длинную тень и, словно пророк из легенд, раскидывает в стороны руки.

Винсенз — черный гигант, который со смехом стоит на террасе, ожидая, пока все стражники кинут оружие и тоже начнут смеяться.

А потом Арахон внезапно вспомнил другого Винсенза. Того, что умирал в его объятиях, прижимая руки к ране на груди, а меж его пальцами, из безошибочно проткнутой аорты, брызгала светлая кровь. Винсенза пропыленного и бледного, Винсенза — миниатюрку с испуганным, мраморным лицом. Помнил даже, что губы его смертельного врага двигались, словно тот желал что-то сказать, но не слетало с его губ ничего, кроме последнего свистящего вдоха.

Из задумчивости его вырвал голос вдовы.

— Планирую поставить замок.

— Что?

— На дверь. Джахейро почти достает до засова. Не хочу, чтобы он вышел туда и натворил глупостей, пока меня не будет дома.

— Джахейро уже должен знать Ритуал Тени. Ты должна бы отдать его в школу, — ответил Арахон, удивленный суровостью собственного голоса.

— Я учу его сама. Есть у меня одна книжечка о хороших обычаях. Читаю ему, при случае показываю буквы. Но он еще ребенок, он не всегда сумеет... Думаю, ему нужен отец.

Арахон отвел глаза, не выдержав странного, удивительно настойчивого взгляда вдовы. Сквозь щели в деревянных ставнях смотрел он на улочку и размышлял над ее тоном. Слышалось ли в ее голосе обвинение, несколько приглушенное течением времени? Или же предложение?

Но этот короткий момент, когда он мог что-то ответить, это крохотное окно в другое будущее, которое отворилось перед ним на миг, быстро захлопнулось, изгнанное холодным ветром, что ворвался внутрь. Донна Иоранда вздрогнула, Арахон прикрыл дверь, а потом они

вернулись за стол.

Исчерпав за вином все безопасные темы, они не знали уже, о чем говорить. И'Барратора чуть придвинулся к своей подруге, избегая, чтобы тела их соприкоснулись.

Так было лучше, они оба это чувствовали. Слишком мало выпили, чтобы позволить себе поцелуи.

И'Барратора полагал, что граница, которую невозможно переступить, граница, их разделяющая, возникает из-за того, что именно он убил мужа Иоранды и осиротил ее ребенка. Он не знал, что причина совершенно иная. Донна Иоранда просто не желала, чтобы сыну ее пришлось однажды убить приемного отца, как, согласно сервинским обычаям, велела бы ему честь.

Однажды они решили, что, когда мальчику исполнится пятнадцать лет, Иоранда расскажет ему историю противоборства двух славных фехтовальщиков, полную неожиданных встреч, поединков, погонь и предательств. В конце опишет ему их последнюю встречу. Ту, которая из стычки переросла в мрачную кровавую схватку. Только один из противников мог ее пережить.

Оба боялись лишь одного: что прежде чем настанет этот день, какой-нибудь злой язык шепнет мальчишке правду, не выбирая при этом слов. Готовый к такой возможности, Арахон решил, что пока что он научит мальчугана владеть рапирой и кинжалом так хорошо, как только сумеет. Хотел дать ему честный шанс, захоти парень выполнить требования чести и отомстить за отца.

С того времени всякий раз, когда он смотрел в его голубые, полные доверия глаза или видел материнскую улыбку Иоранды, задумывался над тем, что, если дойдет до конфликта, сумеет ли он превозмочь инстинкт, заставит ли себя позволить уколу Джахейро достичь цели.

Пока же все это была лишь призрачная возможность, неясно маячащая в отдаленном будущем. Но И'Барратора думал об этом всякий раз, когда проводывал донну. И именно потому он проводывал ее не слишком часто.

Снаружи наступила ночь. Стены быстро остывали, холодный ветерок с моря врывается в дом донны Иоранды сквозь неплотные ставни. Женщина задрожала, и тогда И'Барратора, ведомый скорее инстинктом, нежели сознательным желанием, придвинулся и обнял ее.

Сидели они так долго. Иоранда отодвинулась, лишь когда внизу раздался топот мальчишеских ног.

— Ступай, — сказала она, вставая. — Если уж ты сюда пришел, по крайней мере, минутку-другую можешь посвятить Джахейро. Он мне не простит, если ты не научишь его чему-то новому.

Арахон поднялся с улыбкой, а потом двинулся следом в решимости обучать руку, которая, как он подозревал, некогда проткнет его клинком.

— Здесь мы ее и нашли, — сказал служащий, указывая на место посредине склада. Потом отодвинулся под стену, чтобы его тень не заслоняла пол.

Мужчина, с которым он пришел, смотрел в темноту склада так, будто взирал в отверстую могилу. Лицо его было бледно и неподвижно.

У незнакомца были коротко обрезанные волосы. Так стригли узников или галерников. Дворянин не дал бы себя так ощипать — однако мужчина явно был дворянином. Столь деликатные, почти женственные черты попадались лишь у благороднорожденных господинчиков. Однако он был уже немолод, а два небольших шрама на шее и на подбородке выдавали, что ему не чужды были и тайны сражений. Носил он панталоны, шитые золотой нитью, и кожаный камзол с серебряными пуговицами. Вместо пояса был на нем пурпурный шелковый шарф, а на запястье правой руки поблескивало несколько тяжелых золотых браслетов. Писец задумался на миг, стал бы фехтовальщик так отягощать ведущую руку, но потом заметил, что рапира незнакомца тоже висит с правой, противоположной стороны. В рукояти ее поблескивал самый большой изумруд, какой писцу когда-либо приходилось видеть, а в левом ухе незнакомца была маленькая серьга с черной жемчужиной.

Служащий — горбун с бельмом на одном глазу — не выносил персон, которые обвешиваются драгоценностями. Полагал, что делают они это, чтобы хвастаться перед всем миром возможностями, зачарованными в золоте, мечтами, плененными в стопках монет. За черную жемчужину служащий мог бы неделю не выходить из публичного дома. Изумрудом мог бы кормить семью год. Тем временем богачи, удовлетворив все свои земные потребности, излишек богатства помещают в украшения, нося на себе целые невыстроенные дома, некупленные стада, ненанятых слуг.

И все же даже в глубине души служащий не отваживался подумать худо о незнакомце. Казалось, что его холодные серые глаза прошивают человека навывлет, словно сам Вечный Свет.

Пришелец медленно двинулся внутрь склада, каждый шаг делая с явным трудом.

— Была убита чисто, один укол прямо в глаз, — начал писец.

— Мы знаем, мы видели. Были мы уже в гарнизоне, — услышал он.

Его поразила манера незнакомца отвечать и его южный акцент, однако он повидал уже в жизни достаточно чужеземцев, чтобы не выказывать удивления.

Пришелец присел там, где еще было видно пятно крови, а писец, увидев, как обтягивает камзол его грудь, догадался, что, скорее всего, он имеет дело с женщиной. Только откуда у женщины такой суровый, низкий голос, которого не устыдился бы и старый корсар?

Прошла долгая минута.

— Мы опоздали. Мы опоздали на день, — сказала наконец незнакомка, глядя ладонью шершавое дерево.

Лишь по легкому дрожанию голоса служащий понял, что убитая, верно, была для нее кем-то близким.

Внезапно женщина вздрогнула — в каком-то из углублений на полу почувствовала легкую влажность. Сидела так на корточках еще долго — сгорбленная, она приклеилась к полу, словно старый монах, — а писец с интересом следил за нею. Плохо видел ее лицо, но показалось ему, будто на доске рядом с кровавым пятном упала слезинка.

Он переступил с ноги на ногу. Должен был сделать опись еще нескольких поставок из порта, не мог здесь торчать вечно. Скрип досок вернул незнакомку к реальности. Она встала, одернула камзол и повернулась к писцу с решительным выражением лица.

— Скажи, человек, ты знаешь, кто это сделал?

— Наверняка, сам Всехтень или какое иное зло. Должно быть, это был большой забияка. Ну, знаете, госпожа, влез в засаду, и все же зарубил двух парняг, известных здесь головорезов, ну и, ясное дело, уважаемого господина Реальто Аркузона с этой заморской...

Блеск глаз незнакомки заставил писца в последний момент прикусить язык.

— С этой госпожой из-за морей.

— Значит, его будет легко найти?

— Я бы не сказал, ваша милость, это ведь Серива, тут всякий второй рапиру носит, а на дюжину носящих как минимум один умело ею пользуется. Даже кметы из ремесленных цехов имеют собственные школы, где на случай войны учат махать всякоразным железом. Фехтовальных школ у нас здесь восемьдесят, а...

Незнакомка покачала головой и потянулась к кошельку на поясе. Выгребла из него что-то, схватила руку писца и сунула в нее несколько холодных камешков.

Писец уразумел вдруг, что ладонь его полна маленьких шлифованных рубинов, изумрудов, сапфиров; полна потенциальных мечтаний, лишь ждущих исполнения.

Он задрожал.

— Мы должны узнать, кто ее убил, понимаешь? — сказала незнакомка. — У нас есть намного больше камней. Если поможешь нам найти этого человека, мы сделаем тебя богачом. Ступай, расспрашивай, слушай, мы хотим, чтобы ты узнал, что делал этот Аркузон, на кого работал, кто был его врагом. Знал ли он хороших фехтовальщиков, и что они в тот день делали. Особенно расспрашивай о человеке высоком, с длинной рапирой с граненым клинком. Это военное оружие, а значит, тебе наверняка придется искать ветерана последней войны, и при этом не офицера, поскольку они носят более легкое оружие. Человек этот знает старый вастилийский удар, известный как Укол Королевы, так что весьма возможно, что происходит он из Серивы или окрестностей.

— Но отчего ваша вельможность уверена, что...

— Мы были в гарнизоне. Осматривали тело.

— Но...

— Еще один глупый вопрос — и мы изменим задание.

Говоря это, незнакомка притянула писца поближе, сжав его плечо крепкими, словно железными, пальцами. Маленькие глазки портового служаки оказались напротив ее ледяных глаз с необычно продолговатыми зеницами.

— У нас каюта на борту «Морского Змея», в западном порту. Если ты что-то узнаешь, сразу же приходи. А если подведешь нас, если решишь сбежать или расскажешь кому о нашей встрече...

Ей не пришлось договаривать. Когда она отпустила писаря, тот покачнулся, словно взгляд ее высосал из него все силы. Незнакомка улыбнулась — и это была малоприятная улыбка — и вышла из склада прямо в багровый отсвет закатного солнца.

Служащий застыл на пороге. Только теперь он заметил, что тень незнакомки, растянувшаяся по булыжнику, словно несколько пядей черного полотна, не была обычной тенью. Что-то двигалось в ней при каждом ее шаге.

Он прищурился и заметил: то, что просвечиваемое солнцем тело женщины отбрасывало

на землю, не было обычным темным пятном с более темными абрисами костей. Тень ее была дырявой, ажурной, а пронизывающие ее пятнышки света танцевали на бульжниках в ритме шагов женщины.

Только теперь элементы головоломки встали на свои места, и в один миг герб, вышитый на камзоле незнакомки, ее тень, черная жемчужина в ухе, то, как она говорила, и даже рапира, висящая у нее не с обычной стороны, — все сложилось в единое целое, и писарь прошептал имя, за которое эклезиярх мог бы послать на костер любого человека.

Внезапно он перестал радоваться дорогим камням, сжимаемым в руке.

Поскольку оказалось, что придется ему работать на самого дьявола.

Пару лет назад, когда Серива еще приходила в себя после кровавой войны, вечерами в «Львиной Гриве» было не протолкнуться. Приходило туда так много народу, что один зал не мог вместить всех, оттого люди выплескивались наружу рекой пота, криков и стучащих друг о друга глиняных кружек.

«Львиная Грива» была небольшой таверной на границе кварталов Эскапазар и Контегро. Если что и отличало ее от дюжин подобных заведений, так это вывешенный над большим камином, продырявленный пулями вастилийский штандарт из битвы под Риазано. Вынес его с поля боя владелец заведения, Хорхе, умелый солдат и хороший человек, чье лицо некогда оказалось слишком близко от взорвавшейся пачки пороха, и теперь, украшенное черными шрамами, оно напоминало доску, источенную тысячью короедов.

Ничего не было странного в том, что это место особенно облюбовали ветераны двадцатилетней войны. Заведение было куда приличней большинства портовых таверн. Не заходили сюда пьяные моряки, поскольку служаки вставали против них грудь в грудь при любой okazji, а потому в более спокойный для здешних мест кабак со временем стали захаживать также жаки — бедные художники, поэты на содержании. Все, кому не мешали громкие патриотические песни, которые порой заводили прихмелевшие солдаты.

Продолжалось это до той поры, пока золото и трофеи, привезенные из северных походов, не закончились. Через пару лет после войны большинство солдат сделались бедняками, а Хорхе не имел привычки впускать в кабак бездомных пьяниц. Остальные пробовали себя в разных профессиях, но, поскольку многие попали в армию в возрасте едва ли пятнадцати лет, единственным инструментом, которым они владели, была рапира. Так начались в Сериве темные времена убийств, нападений, засад и едва скрываемых войн между владетельными родами. Времена, которые для большинства менее умелых фехтовальщиков закончились смертью.

Поэтому в «Львиной Гриве» еще больше лавок покрылось пылью.

Художники перебрались в другие кабаки, получше. Жаки перестали ходить ночью по тавернам из-за королевского эдикта, согласно которому всякий пойманный на месте преступления студент лишался места в университете и трех пальцев, которыми держал перо.

Последние гости нынче собрались в одном углу зала, чтобы вспомнить старые времена, пока темная пустота, царящая в остальной комнате, терпеливо ждала, когда и последние из них исчезнут и Хорхе закроет заведение, а внутри «Львиной Гривы» наконец-то воцарятся тени, паутина и пыль.

Одним из таких последних посетителей был Арахон И'Барратора. Некогда он приходил сюда с другими ветеранами Третьего Королевского Полка. А когда многих из них забрали очередные войны и моровые поветрия, когда многие покинули город либо погибли со шпагой в руке и с маской на лице, оросив своею кровью грязные закоулки Серивы, кавалер начал приходиться сюда с друзьями — вместе они некоторое время славились как Серивская Троица. На службе у старого короля они вместе совершили множество славных поступков, в свое время прогремевших даже за границей. И вдвое больше таких, о которых — связанные клятвой, данной королевскому главному шпиону, графу Детрано, — говорить не могли и не желали.

Времена Серивской Троицы И'Барратора всегда вспоминал как лучший период своей

жизни, поскольку именно тогда его умения были замечены и именно тогда он преодолел невидимый барьер, отделяющий хорошего фехтовальщика от мастера рапиры. Кроме того, именно тогда, один-единственный период в жизни, он не знал недостатка в деньгах и уважении.

Время это закончилось поразительно быстро и грубо, когда однажды ночью, наполненной сверкающей сталью и лязгом железа, в битве на одной из площадей Серивы Антонио Дорриано, самый старший из Троицы, достойный дворянин, который обеспечивал их связь с окружением короля, опоздал с вольтом на половину мгновения и пал на брусчатку со стилетом в груди.

Смерть его оборвала сон, в котором друзья, казалось, жили до сих пор. Во время следующего задания молодой И'Барратора был тяжело ранен в плечо, а последний из тройки, веселый и радостный Д'Артидес, потерял глаз. Они еще пытались вернуться к совместной деятельности, однако прежде чем рана Д'Артидеса затянулась, сквозь нее словно вытекла вся его жизнь (ничего странного, ведь говорят же, что глаза — зеркало души). Рубака принялся злоупотреблять вином, сделался мрачен, встрял в несколько кабацких драк, пока однажды утром его не нашли мертвым в темном переулке.

Так закончилась история Серивской Троицы, золотой век И'Барратора. После Арахона, Дорриано и Д'Артидеса осталось лишь несколько песен и стишат малоизвестного поэта. Потом пришел век серебряный, когда И'Барратора сражался за каждого, кто имел достаточно толстый кошель и предлагал дело, которое могло показаться хотя бы чуть справедливей, чем дело другой стороны. Он тогда даже приобрел личного главного врага, того самого Винсенза де ля Роя, с которым часто скрещивал клинки, поскольку Винсензу часто более справедливыми казались дела противоположной стороны.

Винсенз, однако, тоже ушел, посланный в иной мир рукою самого Арахона. И'Барратора остался в одиночестве, словно кусочек серебра в грязи; обломок века чести и шпаги, которому уже пришла пора окончательно закатиться. После века серебряного начался век бронзовый. Бронзовый, как старые деревянные стены в комнате на улице Аламинхо, куда ему пришлось переселиться, когда закончились деньги. Бронзовый, как грязные закоулки Серивы, где ему пришлось работать, когда гранды и двор перестали пользоваться наемными фехтовальщиками. Бронзовый, как погнутые шекли, которые он получал за свой труд, как загоревшие на солнце лица его учеников, людей из низов общества. Бронзовый, наконец, словно позднее вечернее небо, которое с каждым днем казалось все ниже и мрачнее, пробуждая в И'Барраторе подозрение, что следующих эпох в его жизни уже не будет и что жизнь эта вскоре завершится.

Теперь приходил он в «Львиную Гриву» только затем, чтобы вспоминать за вином лучшие времена.

Нынче же он опаздывал.

На длинной лавке подле камина напротив стены, пахнувшей влажной побелкой, сидел лишь один из старых здешних бывальцев, Эльхандро Камина. Выглядел он как человек, съевший дюжину несвежих сельдей или только что похоронивший любимого пса. Содержимое зеленого стакана, который он держал в сплетенных ладонях, интересовало его не так сильно, как входные двери, на которые он посматривал с изрядным нетерпением.

Он даже встал, когда дверь скрипнула и пропустила фигуру в капюшоне. На его губах появилась легкая улыбка, которая, однако, быстро исчезла.

Эрнесто Д'Ларно, ибо именно он встал в дверях, сразу же заметил печатника.

Подошел и присел, не спросивши разрешения. Камина приветствовал его кивком и неохотно подвинулся. Хотя обычно он ничего не имел против Д'Ларно, нынче предпочел бы его не видеть — широко улыбающееся учтивое лицо художника пробуждало в мрачном Камине злость, которая, в свою очередь, вызывала чувство вины, поскольку печатник, прочитавши в жизни вдоволь умных книжек, старался оставаться добрым человеком.

Однако вернемся к самому Д'Ларно, к этому худому длинноволосому юноше, который за двадцать три года своей жизни сумел достигнуть небывалого — прослыть самым большим ветреником в и без того переполненной ветрениками Сериве.

Работал он нечасто, а если и приходилось ему, то редко этим зарабатывал, а если даже что и зарабатывал, то привык вкладывать одну монету в сапог на черный день, а остальное мигом просаживал. Когда б еще он тратил все на девок и вино, как прочие художники, то хотя бы пользовался известного рода славой. Однако Эрнесто Д'Ларно делал с деньгами вещи, которые удивляли одновременно как суровых мещан, так и серивских жаков.

Например, порой он раскладывал на серивской улице серебряные реалы, а потом садился где-нибудь неподалеку и смотрел, как ведут себя люди, когда находят деньги, — и при этом внимательно изучал черты их лиц. Мог заплатить старому гончару, чтобы тот оставил работу, вышел из мастерской и весь день сидел на солнце — в то время как сам он зарисовывал старика с десятка ракурсов. Когда он имел деньги, то раздавал хлеб голодным, сахарные фигурки детям, баклаги вина — матросам. Порой же совершал и более странные поступки, как тогда, когда заплатил обитателям одного переулка в Сериве, чтобы семь ночей подряд те выставляли в своих окнах ряды сальных свечей.

Все это не добавляло ему любви простых людей, поскольку им было понятней другое зло, вроде бросающих камни жаков, а не эти странности, разрушающие привычный уклад жизни Серивы.

Когда же у Д'Ларно не было работы, целыми днями он бродил по городу, как он это называл, коллекционируя. Однако это была особенная коллекция, доступ к которой имел исключительно сам Эрнесто, поскольку она находилась у него в голове.

Например, с сегодняшней прогулки он принес три ноты песенки, которую пела молодая девушка, продающая рыбу, какую-то завиральную сплетню, невероятную историю, услышанную от старого морехода, запах разлитой туши в магазинчике с чернилами, полет альбатроса в сером небе. И одно необычное наблюдение, которым он хотел поделиться.

— Ты уже слышал, Эльхандро, старый друг-питух, что нынче случилось в университете?

— Нет. И мне нет до этого никакого дела.

— И плохо. Однако я мог бы тебе об этом рассказать как непосредственный свидетель, потому как я там был. Иначе ты будешь обречен на конфабуляции и невероятные истории, которые завтра начнут кружить по всему городу. А скажу я тебе, что беспорядки, которые возникли из-за Хольбранвера, наверняка войдут в анналы.

— Хольбранвер?

— Ага! Вижу, что ты, однако, интересуешься еще чем-то, кроме своей машины и чернил. Ладно-ладно, я позабуду, сколь неинтересен я был тебе минуту назад, и все расскажу тебе — с подробностями. Стало быть, нынче около полудня появилась сплетня, пущенная в город, что Хольбранвер должен давать некий экстраординарный показ, и где — в университетском Зале Медиков! Мы все полагали, что он станет резать мертвецов, поэтому собралось там множество людей различных сословий, в том числе и я. Поскольку — признай это сам — если бы ты знал, что нынче там кого-то вскрывают, разве ты не пошел бы?

Каминя согласился. Знал, что теперь он уже не сдержит словотока художника. В таверне же единожды начатая история должна катиться, словно спущенное с горы колесо.

— Сперва ректор хотел все низшие сословия гнать взащей и никого кроме профессоров не впускать, но знаешь же, как оно в Зале Медиков: три этажа аркад, на каждый этаж — несколько входов. А еще и жаки унюхали, чем пахнет, и принялись людей им одними известными дорогами проводить на балконы. На это ректор вызвал гвардейцев, дабы людей прогнать, но кого выгнали со второго уровня, тот быстро появился на первом. И наоборот. Тем временем профессора и Хольбранвер начали выказывать нетерпение, а потом сей последний решил начать, невзирая на ротозеев.

Д'Ларно ухватил стакан Каминя и выпил его в несколько глотков, непонятно было — оттого ли, что пересохло у него в глотке, или чтобы подержать печатника в напряжении.

— Наконец они начали. Но сразу же на лицах зевак появилось разочарование, да еще какое: для такого разочарования, полагаю, пригодилось бы специальное слово на нашем языке. Понимаешь, ровнехонько как если б мы полагали, что случится нечто кровавое, а тем временем не произошло бы вообще ничего. Пьяница взойдет на край крыши, покачнется, а зеваки уже предвкушают зрелище, из-за которого побегут по спине мурашки, уже ждешь ты эти мурашки — и тут пьяница отступает. Вот именно такие лица у нас у всех и были, когда Хольбранвер втянул в зал не голый труп, а всего лишь некую деревянную конструкцию. Но не запустил ее, а что-то говорил о тенях, а ты знаешь, что я во всем этом особо не разбираюсь. Только то и знаю, что однажды читал у Альрестеля.

— И что он говорил?

— Говоря самым общим образом, он похвалялся, будто нашел способ записывать на стеклянных плитках тенеграфы, образы тени, при помощи каких-то чувствительных солей, ртути и серебра. Потом он сказал, что впервые покажет публично тенеграф человека, да не какого-нибудь, а тенеграф самого владыки. Предупредил при этом, что вид этот фраппирует и будет не совсем понятным. И все же это не подготовило людей к тому, что они увидели. Кто-то приоткрыл одно окно, в комнату ворвался сноп света, а Хольбранвер умело направил его зеркалом прямо в тыл своей машины. И на полотне, которое он развесил на стене, показался образ.

Последние слова Д'Ларно прошептал, так что Каминя пришлось придвинуться ближе.

— Скажу тебе, ничего подобного человеческий глаз еще не видывал! Фигура была сияющей, стройной, четырехрукой, со сверкающим ореолом вокруг головы, и настолько была она нерукотворно прекрасной, что все вздохнули. Лицо такое доброе, такое понимающее, взгляд такой, что несколько человек тут же сомлели, профессора же онемели, потому что даже фигуры святых на витражах базилики, в тени коих стоят коленопреклоненно грешники, чтобы очиститься от грехов, не обладают таким великолепием. Скажу тебе, тенеграф нашего властителя стал самым чудесным образом, какой я видывал в своей жизни, даже если оказался он совершенно несхож с оригиналом. Когда Хольбранвер наконец отодвинул зеркало и картина исчезла, люд просто взвыл от отчаяния. Ученые принялись дискутировать, мол, что оно зрелище могло бы значить. Кто-то крикнул «ересь», поскольку набожные ханжи настаивают, что тень — всегда противоположность ее хозяина, она злая искаженная и ее любой ценой должно избегать. И как то, что мы увидели, могло быть противоположностью владыки? Отчего невооруженным глазом не видно было в тени его столь чудесного образа, какой становится виден лишь в стекле тенеграфа? Но прежде чем они успели рассориться вдрызг, кто-то сверху крикнул, чтобы вновь показали чудесный

образ. Люди принялись трясти барьер, топать и кричать. А поскольку внизу никто их не слушал, то злость нарастала. Они принялись так неистовствовать, так топали, что балкон провалился, толпа рассыпалась по залу, причем большинство побежали к машине. Хольбранвера скоренько из всего этого вытащил сам ректор. Почти чудом удалось им спасти стеклянную пластину с тенеграфом, поскольку машину люди растоптали полностью.

— И что дальше?

— А дальше — все. Толпа перевернула все в зале вверх дном, но жаки, те самые, что раньше продавали места, привели стражу, с помощью которой выбили простецов и вышвырнули их за ворота. Я сам получил палкой поперек спины. Хольбранвер растворился в воздухе, но о том необычном образе, полагаю, знает уже каждый житель Серивы, если он не глух с детства.

— Я не знал.

— Потому что мало ты среди людей крутишься.

Говоря это, Д'Ларно допил вино Камины. Тот вздохнул и пошел за двумя новыми стаканами. Когда сел с ними подле художника, взглянул беспокойно на дверь, а потом произнес тихо:

— Поздно уже, а Арахона нет.

— Как видно, есть у него дела.

— Это было бы весьма кстати, — Камина потер седую щетину на подбордке. — Я ведь здесь сижу лишь затем, чтобы кое-что ему предложить.

— Ты ранишь меня в сердце, дружище, так ты здесь по делам? Не из любви к старому другу Д'Ларно? И какое же дело печатника требует острой стали?

— Я хотел...

И в этот момент отворились двери, впуслав холодный ветер. В таверну вошла темноволосая девка, чьи лучшие времена остались десять лет и два пуда назад. Быстро поняла она, что много тут нынче не заработает. К Эльхандро и Д'Ларно даже не подходила, поскольку первый обладал внешностью сурового монаха, а у второго, хотя он наверняка был бы не против ею воспользоваться, карманы были пусты, как у беднейшего жака, и все шлюхи в квартале это знали.

Женщина минутку покружила между другими посетителями, а обильный зад ее выписывал в пространстве корчмы спирали и круги, и Д'Ларно всматривался в них, время от времени смачивая губы вином. Та же поговорила с Хорхе, приблизилась даже к старому горбатому чиновнику с бельмом на глазу, что в одиночестве пил свое вино. Но тот — уставший и чрезвычайно чем-то обеспокоенный — не обратил на нее внимания.

Наконец она ушла, а зал будто снова сделался меньше, бледнее, тусклее.

— Что ты хотел? — попытался вернуться к теме Д'Ларно.

— Неважно. Скажу лишь, что у меня встреча, которая может оказаться весьма опасной.

— И что же это за встреча?

— Я уже тебе достаточно сказал.

— Ой, Эльхандро! Я тут глотку свою не щажу, рассказывая тебе такую историю, а ты жалеешь для меня пару-другую подробностей? Только одним способом можно смыть твое презрение! Принеси-ка мне еще винца.

Раздраженный Камина поднялся, взял стаканы, которые волшебным образом опустели без его участия, и снова прошел к Хорхе. Когда вернулся, они успели еще немного поговорить, и тут дверь отворилась снова.

На этот раз сомнений не было. Среди всех людей, посещающих «Львиную Гриву», лишь кавалер Арахон Каранза Мартинез И'Грената И'Барратора умел, едва войдя, заполнить собою все помещение. Было это умение, обладали которым немногие — гранды, эклезиярх, король. Даже когда И'Барратора был один, казалось, будто шагает он в окружении целой свиты. Подобно властительным задавакам, окруженным вооруженными головорезами, которые следили, чтобы никто не наступил на тень их господина, Арахон шел неспешно, заполняя пространство тяжелым ароматом черного трубочного табака, высокой фигурой и длинным дырявым плащом.

Увидев друзей, он двинулся в их сторону, и уже спустя миг они сидели за столом втроем, а Камина принес еще один стакан.

— Ты слышал о Хольбранвере? — начал Д'Ларно, который весьма охотно рассказал бы всю историю с самого начала.

Однако Камина прервал его жестом, обеспокоенный мрачной физиономией фехтовальщика.

— Что с тобой, Арахон? Я послал за тобой парня, но тот целый день не мог тебя отыскать. Лишь поговорил со вдовой Родрихой, а та сказала, что утром ты оставил под ее дверьми одежду, пропитанную кровью.

— Последняя работа закончилась нехорошо.

— Эта последняя работа была для Аркузона?

— Да.

— Всесильный Свете! Так это ты его...

— Да.

Кто-то в глубине зала внезапно шевельнулся, но троица друзей была слишком занята собою, чтобы это услышать.

— Так где ты сейчас был?

— А как ты думаешь? — И'Барратора снял перчатку и потянулся за стаканом. — У Иоранды. Принес ей немного золота.

— Снова? — засмеялся Д'Ларно. — Что за дурак ходит к женщине, которая однажды уже чуть не прострелила ему кишки? Ждешь, пока она передумает и попытается вторично?

Камина отвесил художнику подзатыльник, а потом произнес:

— Арахон. Я знаю, что это не лучший момент, но ты мне нужен. Есть для тебя работа.

— Я работу не ищу, — проворчал И'Барратора.

— А если это услуга для друга?

— Нет, если прольется кровь. Хватит с меня и того, что было намерении.

В этот момент Камина сделал нечто, чего никто не ожидал. Схватил фехтовальщика за руку и произнес срывающимся голосом:

— Молю, Арахон. Это дело жизни и смерти. Не оставляй меня с этим одного.

И'Барратора и Д'Ларно онемели, поскольку печатник редко позволял себе такие эмоции.

— Скажи-ка, в чем дело, — и тогда подумаем, — отозвался наконец Арахон.

— Некоторое время назад некто прислал мне рукопись мемуаров. Аноним, но наверняка занимающий высокое положение при дворе, поскольку обладает пером опытного дипломата и описывает эпизоды войны как непосредственный свидетель, в том числе первые шаги Герменеза, тогда еще дофина, и совещания у старого короля. Много пишет о противостоянии разных групп во время переговоров, ну и немного о делах послевоенных. О том, как

Ламмонды устроили заговор против партии Черного Князя, как склонили его жену, чтобы та выдала его на смерть. И кое-что еще говорит об Андрее. Много грязных вещей.

— Боишься — не печатай, — И'Барратора пожал плечами. — Я хотел бы тебе помочь, но от гнева епископа я защитить тебя не сумею, особенно если он придет к тебе людей Закона.

— Дай мне доверить. Дело в том, что когда первый том был уже в наборе, пришло известие, якобы от того самого анонима. И представь себе, Арахон, оказалось, что это Черный Князь собственной персоной, по крайней мере, так он утверждает! Говорит, что некто сильный сумел его выследить и узнал о планах публикации мемуаров. Враг, правда, не знает, где они печатаются, но вскоре может узнать. Князь — в смертельной опасности. Преследуемый, он сбежал в Сериву. Хочет непременно встретиться с глазу на глаз в безопасном месте.

Д'Ларно присвистнул. Камина продолжил:

— Он не написал этого прямо, но я догадался, что у него есть для меня вторая часть мемуаров. Или, по крайней мере, то, что до этой поры ему удалось написать.

— И все же я не понимаю, отчего ты не пойдешь сам, — сказал Арахон. — Возьми того своего паренька, какую-нибудь шпагу...

— А если они до него добрались? Если выпытали из него место и время встречи? Это может быть ловушка! Даже если я сбегу, то стоит им меня увидеть — и я труп.

— Выпытали? У Черного Князя? — И'Барратора засмеялся и обмакнул губы в вино. — Ты забываешь, Эльхандро, что во время войны он был в плену два года. Тогда ему сломали все пальцы на левой руке, каждый по несколько раз. Он не сдался. Потом, когда вокруг молодого короля принялись крутиться Ламмонды, его посадили под арест в собственном доме, грозили ему смертью. Он сбежал, убив стражников голыми руками.

— Если ты хотел таким вот образом склонить меня ко встрече, то, боюсь, это тебе нисколько не удалось. А если это вообще не мой аноним, а совсем другой человек?

— А что говорит послание?

— Почерк в письме иной, чем в рукописи. Однако это не значит ничего, он мог воспользоваться помощью доверенного писаря. К черту, я ведь всего лишь владелец небольшого дела. Что мне до князей и заговоров! Молю тебя, пойдём вместе на эту встречу. Ты говорил, что ищешь дело без кровопролития. Вот и возьмешь манускрипт, и даже рапиры касаться не придется. А если это засада, ты запросто выскользнешь, я тебя знаю.

— Ладно-ладно. Где и когда вы условились?

— Завтра в полночь на Монастырском взгорье.

И'Барратора отставил стакан.

— Да ты сдурел.

— Думаешь, это я решал? Этот не-пойми-кто просто прислал мне весточку, я даже не знаю, где он остановился.

— Это меняет дело, — произнес фехтвальщик. — Никто не встречается на Монастырском взгорье без причин. Это место хорошо для тайного убийства, а не для разговоров. Не знаю, хочу ли я рисковать и быть убитым выстрелом в спину.

— Арахон, но ты ведь не дашь обхитрить себя каким-то злодеям. А взгорье ты знаешь, как собственный карман.

— Сколько, Эльхандро? Не бери меня на слабо и не делай вид, что ты ничего на этом деле не зарабатываешь, поскольку рукопись наверняка обошлась тебе в изрядную сумму. А мне

нужны деньги. Думаю... думаю о том, чтобы покончить со своей профессией. Купить маленький дом за городом, может, в Маркиалупе. Выехать из Серивы.

Камина почесал макушку.

— Восемь реалов. Если получишь от него второй том мемуаров, то еще удвою.

И Барратора кивнул. Пожал Камине руку, попрощался холодно с Д'Ларно и вышел, хлопнув дверьми. Друзья проводили его удивленным взглядом.

Мужчина, сидевший неподалеку, — горбатый портовый писарь с крысиным лицом — покинул «Львиную Гриву» минутой позже. Когда он отошел от таверны настолько, чтобы не вызывать подозрений, бегом пустился вниз квартала, в сторону порта, где на посеребренных луною волнах спокойно колыхалась флорентинская галера, носящая гордое название «Морской Змей».

У Хольбранвера было тяжелое утро.

Сперва ему пришлось просить извинения у ректора, потом — у камергера, потом — у самого короля. Странно, что в очереди на извинение не нашлось эклезиярха или посланника Анатозии. Несмотря на это, возвращаясь домой горячей полуденной порою, он ощущал странное удовлетворение. Вроде бы кто-то начал строить копию его машины, а седоголовые мужи серивского университета непрестанно спорили о тенеграфе, сражаясь с упитанными коллегами и бросаясь друг в друга чернильницами. Хольбранвер чувствовал, что сделал он нечто важное. И это его радовало.

Отдавал он себе отчет, что сам никогда бы не сумел найти ответ на беспокоившие его вопросы. После тенеграфа короля он выполнил еще несколько: свой, одного из знакомых, Саннэ — но ни один из них не напоминал тот первый. Смотрели с них обычные персоны и обычные тени, немного измененные, но узнаваемые, несомненно, связанные с хозяевами. На образе тени Хольбранвера была та самая нашлепка на нос, та самая туша — и лишь глаза были какие-то чужие, холодные, далекие. Разочарованный ученый раз за разом просматривал свои заметки, проверял формулы, искал какие-то необычные свойства стекла или алхимических субстанций, использованных в первый раз. Все зря.

Потом он пытался изменить объекты тенеграфов, исследуя людей на пороге жизни и смерти, сросшихся бедрами близнецов, людей с различными болезнями. Действительно, таким образом он открыл несколько интересных закономерностей, однако ни на шаг не приблизился к пониманию тайны того первого, особенного тенеграфа. Не знал даже, где следует искать объяснение: в науке или в религии, в истории либо в философии — а с тремя последними областями было ему не совсем по дороге.

Хольбранвер ненавидел вопросы без ответа. Поэтому радовался при мысли, что наконец-то кто-нибудь сумеет исследовать его открытие; что какой-то ученый либо бакалавр проникнет в сияющую тайну.

Он добрался домой в хорошем настроении. С необычной для своего возраста энергией взобрался по скрипучей лестнице на второй этаж, отворил дверь комнаты и позвал Саннэ. Он купил для нее на рынке медовый калач, как всегда, когда в жизни его происходило нечто хорошее.

Не услышал ответа. Крикнул второй раз, вошел в мастерскую и встал на ее пороге как вкопанный.

Пол был устлан обрывками бумаг, везде были разбросаны реторты, валялись разбитые механизмы. Здесь произошел обыск. Хольбранвер прошелся по комнате, словно не осознающий случившейся беды погорелец, бродящий по руинам дома. Поворошил ногой рваные клочья своих дневников, описаний экспериментов, дорогие приборы, которых не сумел бы восстановить никто во всей Вастилии. Добрел до своего бюро. Вместо стопок бумаги на нем лежала одна-единственная карточка, бросающаяся в глаза на темном фоне.

Сперва он неуверенно поднял ее, начал читать — и почувствовал такую слабость, что пришлось ухватиться за край стола, чтобы не упасть.

Записка гласила:

«Дьявол безбожный, проклятый почитатель мрака, Эль Хольбранвером зовомый, а истинного имени от стыда не использующий. У нас твоя дочка, невинное дитя, с которым

ничего еще не случилось, но которое мы вскоре вынуждены будем внимательно исследовать, дабы уразуметь, не носит ли и она в себе такого же проклятия. А если носит, так знай наверняка, что вырвем мы его, подобно сорняку из сада, дабы не выросла она в тварь неблагодарную вроде тебя. Ежели судьбы такой ей не желаешь, будь завтра в полночь на Монастырском взгорье, тенеграф же свой безбожный имей при себе.

Дабы ты не сомневался, что Саннэ у нас в руках, оставляем тебе локон ее волос, отрезанный с ее головки тем самым ножом, чью остроту потом мы на ее горле проверим. Если не появишься ты, собачий сын, предадим ее пламени, и это все, что тебе от нее останется.

О помощи не проси, мы несомненно об этом прознаем. Приходи сам-один и без оружия. Честные граждане».

Хольбранвер тяжело оперся о стул. Он предполагал, что кто-то может попытаться выкрасть тенеграф, поэтому после лекции спрятал его в часах в королевской библиотеке. Но хоть и считал он себя человеком весьма разумным, ему даже в голову не пришло бы, что кто-то, дабы раздобыть тенеграф, может обратиться против его ребенка, против маленькой Саннэ.

Охватило его парализующее чувство бессилия. Не знал даже, к кому обратиться за помощью. Во дворце и в университете каждый был членом какой-либо партии. Откуда ему знать, кто скрывается за «честными гражданами»? Не был ли это, например, эклезиярх? А может, командир гвардии? Король наверняка бы его выслушал, но ведь сам-то он не побежит искать Саннэ. Поручит кому-то из придворных, графу Детрано либо маркизу Леваллю. А если один из них и стоит за похищением?

Хольбранвер некоторое время тасовал в голове различные сценарии, но все они были достаточно рискованными.

Далеко за полдень он вышел из дому и двинулся в сторону королевского дворца за своим тенеграфом. Было у него лицо висельника, идущего на эшафот.

* * *

Монастырское взгорье пользовалось в Сериве мрачной славой. Дома его, разделенные улочками столь узкими, что не могли б на них разминуться две повозки, некогда принадлежали Молчащим Сестрам — старому, дореформационному ордену. Сестры исповедовали чистоту, состоявшую в том, что тела их ни разу не просвечивало солнце, ни разу не порождали они солнечную тень, которую полагали источником всяческой мерзости. Потому монастырь не имел ни одного окна, равно как и прилегающие к нему лепрозорий, госпиталь, школа и жилые дома, которые выстроили верные, что придерживались тех же суровых правил.

Потом пришли новые времена — времена эклезиярха Андреоса и его инквизиторов. Орден обвинили в греховных практиках и несоблюдении решений последнего синода, после чего — распустили. Однако сестры не покинули монастырь. Затворились внутри вместе с группой верных, уверенные, что переждут власть Андреоса, что никто не сумеет выбить их из темного лабиринта каменных построек, соединенных подвалами и крытыми мостами.

Эклезиярх даже не пытался. Приказал замуровать все выходы, а потом выставил подле них стражников.

Рассказывали, что еще много месяцев после этого, если приложить ухо к стенам, по ту сторону слышен был вой обезумевших от голода сестер. Кое-кто рассказывал, что донине из мрачных, лишенных окон зданий доносятся порой странные звуки. Матери и няньки во всей Сериве пугали детей, говоря, что ночью сестры в тенях выходят из туннелей в город, похищают из кроваток шаловливых детей, а потом устраивают пир из человеческого мяса.

Всякой масти разбойники и поединщики не боялись, однако, этих историй. Для них опустевший лабиринт узких улочек и стен без окон внутри квартала Контегро был лучшим в Сериве местом для сведения счетов без свидетелей и риска, что в дело вмешается гвардия.

Эта ночь, даже для мрачной истории взгорья, была особенной, исключительной.

И вот когда луна взошла высоко на небо, в переулках оказалось семеро человек, которым, по несчастному стечению обстоятельств, выпало встретиться здесь в полночь. Люди эти кружили какое-то время в лабиринте отвесных стен, затененных переходов и слепых закоулков, поскольку найти друг друга на Монастырском взгорье было не так-то легко, большинство же переулков здесь названия не имело.

Наконец два первых персонажа повстречались друг с другом в одной из аллеек.

Фигура в капюшоне, вышедшая из длинного туннеля, внезапно остановилась. Впереди увидела завернутого в плащ мужчину с повязкой на глазу; были у него длинные черные кудрявые волосы.

Фигура сбросила плащ, холодные глаза заискрились в свете луны. Блеснула рапира.

— Мы здесь, — отозвалась она странным низким голосом. — Пришли тебя убить.

— И сколько кошель и угроз понадобилось, чтобы меня найти? — ответил Черный Князь с печальной усмешкой. Не удивился, что его предали. Безумное бегство в Сериву было последней соломинкой. По сути, он чувствовал себя мертвым уже с того момента, когда старые враги отыскивали его во Флорентинии.

— Всего один, — сказала женщина. — Ты не слишком хорошо прятался.

— Напротив. Гвардия не имела понятия, где я находился.

— Жаль, что люди из твоего окружения не настолько умелы.

Князь отбросил плащ и выхватил рапиру.

— Закончим это, — сказал. — Я уже замерз, ожидая.

— Прежде чем ты умрешь, узнай наше имя, — ответила женщина. — Имя нам Легион. За то, что ты сделал, мы высосем твою тень до дна.

За стеной раздались едва слышные звуки. Что-то шуршало там и царапало камень, словно желало добраться до источника голосов, от которых его отделял лишь двойной слой камня.

Черный Князь и женщина двинулись навстречу друг другу, даже не подозревая, что каждый из них посчитал противника тем, кем тот не являлся.

* * *

Тем временем несколькими закоулками дальше на маленькую площадку под старой башней выскочил И'Барратора, которого привлек сюда одинокий болезненный вскрик. С рапирой в руке, в развевающемся за спиной плаще и закрыв нижнюю часть лица платком, он внезапно остановился, поскольку перед ним предстала картина, которую он не ожидал увидеть.

Трое одетых в темное мужчин со шпагами, в одеждах, что выдавали дворян или стражников какого-нибудь знатного рода, стояли над полным сидящим человеком, что бессильно лежал на земле и приподнимал руку, пытаясь заслониться от ударов.

— Спаси! Молю, спаси! — крикнул незнакомец Арахону, едва лишь его заметив. Один из палачей выругался, и вся троица развернулась, чтобы выступить против новой проблемы.

Знала ли судьба, подстроившая эту встречу, что если она сведет Арахона Каранзу Мартинеза И'Гренату И'Барратору и трех разбойников, убивающих безоружного человека, результат может оказаться лишь один?

— Ступай отсюда, глупец. Проваливай, если жизнь тебе дорога! — крикнул один из бретёров.

И'Барратора ответил, приподняв уголки скрытых под платком губ в холодной улыбке. Выставил перед собой рапиру и двинулся в их сторону, мысленно вычерчивая уже линии Магического Круга.

Встреться Арахон с Князем, столкнись Хольбранвер с женщиной, зовомой Легион, столкнись трое разбойников с Легион, или даже с Князем, наверняка не произошло бы ничего плохого. Однако изо всех возможных комбинаций, из всех потенциальных встреч этой ночью в лабиринте Монастырского взгорья случились именно те, что должны были иметь наиболее значительные последствия.

Их результат вскоре почувствовал не только город, но — безо всякого преувеличения — весь мир.

* * *

Когда Арахон с волчьей ловкостью ворвался меж врагов, в другой части взгорья бой уже разгорелся всерьез. На середине длинной узкой улочки, между стенами, за которыми таинственные уши прислушивались, а таинственные рты облизывались, Легион и Черный Князь обменивались ударами, оба удивленные умениями противника.

Черный Князь давно уже оставил лучшие свои годы позади. Переступил он черту сорока лет. Под кафтаном у него явственно проступало брюшко, а черные локоны пронзали перья седины. Отсутствие одного глаза мешало ему точно оценить расстояние. Однако у него было преимущество — опыт двадцатилетней войны, которую он наблюдал вблизи с первого до последнего дня. А еще, прежде чем попасть на поля Влаанмарка, когда ему не было и восемнадцати, он дважды выигрывал турнир за подвязку королевы. Именно тогда он получил и свое прозвище — как сын гранда, он не имел права на княжеский титул, но поскольку одевался в черное, а локоны его были того же цвета, вокруг шутили, что он — воплощение умершего за сто лет до того князя Фридерика.

Сражался он в манере флорентинской школы, что возмущало консервативное дворянство Серивы. Двигался на присогнутых, широко расставленных ногах, направляя клинок чуть вверх, все время работая стопами и меняя стойку. В одной руке он держал шпагу — тонкую и гибкую, приспособленную скорее для дворянских поединков. В другой, за спиной, держал свой сорванный с плеч плащ, которым пытался поймать клинок противника, словно сетью.

Было у него над Легион еще одно преимущество, о котором женщина еще не знала. Кончик его шпаги покрывал тонкий слой яда белого скорпиона, который парализовывал в несколько секунд. Князю не было необходимости наносить смертельный укол — знал, что

достаточно лишь оцарапать противника, пролить первую кровь.

Чтобы сделать это, он использовал всю свою ловкость, все фокусы и тайные удары, которым он учился всю жизнь. Тщетно.

Чувствовал он себя так, словно сражался не с одним, но с пятью разными поединщиками, которые сменялись незаметно — всякий из них представлял иной стиль и каждый был быстрее, ловчее, агрессивней его. В какой-то момент женщина перешла даже на выпады, типичные для *la destreza*, для мира серивских забияк и наемных убийц.

Не сумел он сломить ее инициативу. Она непрестанно сталкивала его вниз улочки, а Черный Князь отступал, сбивая очередные удары и отвечая контратаками, которые оказывались слишком далеки от достижения цели.

Кем она была? Откуда взялась в Сериве? Одежда выдавала в ней пришельца из-за Саргассова моря. Но если была чужестранкой, то откуда знала техники здешних фехтовальных школ?

Только когда из-за туч вышел на миг месяц, а тень незнакомки легла длинным пятном на брусчатку, Черный Князь начал понимать.

Это не была тень одной личности. Это была тень многих личностей, сплетенных друг с другом, соединенных таинственной силой.

— Ты из Патры, — выдохнул он, когда на миг отскочили они друг от друга. — Ты... ты ученица Ибн Ахима.

Женщина рассмеялась.

— Мы — сам Ибн Ахим. И многие до него. Ты не выиграешь, убийца.

Черный Князь приподнял бровь. Что бы это значило? Он знал, что на Патре и прочих пиратских островах культивировались еще обычаи ибров. Члены родов и гильдии сплетались тенью в солнечном свете, чтобы делить опыт, знания и общую память. Это превращало патрийцев в самых опасных корсаров Саргассова моря. Девиз их звучал: «Один из всех, все из одного».

Среди них наиславнейшим фехтовальщиком был анатозийский философ и убийца Ибн Ахим. Однако сложно было поверить, что он мог соединиться с этой женщиной. Ибо соединение действовало в обе стороны — мастер передавал немного знания ученику, но и принимал от него немного неуверенности, дурных привычек, ошибок.

Черный Князь еще раз взглянул на ее оружие, на украшения, одежду. Легион была богата. Он сомневался, чтобы его враги, пусть даже и сам епископ, могли ее купить.

После очередного обмена ударами он взглянул на ее ухо, на серьгу с необычайно редкой и ценной черной жемчужиной. Жемчужина была символом королевского рода Альмухаров, правящих Патрой вот уже сотни лет.

Мужчина понял, что в этой битве он не победит.

Очередной обмен ударами. Локоны у него прилипли ко лбу. Лицо его покраснело, дышал он тяжело. Видя это, противница словно ощутила прилив энергии.

И вдруг неподалеку, в путанице улочек Монастырского взгорья, раздался ужасный, агонизирующий крик. Сражающиеся отскочили друг от друга, вслушиваясь во тьму ночи. Крик повторился.

Черный Князь понял, что это подходящий момент, чтобы начать аварийный план. Атаковал внезапно — первым секущим ударом в этом бою, направленным из-за головы, сверху. Был это удар настолько элементарный, настолько примитивный и нетипичный для боя на шпагах, что противница парировала его автоматически, не задумываясь, блокируя его

клинок своим сразу над головою.

Прежде чем она успела его оттолкнуть, Черный Князь сделал шаг вперед и быстрым движением запястья обратил клинок к себе, так, чтобы в противника целилась рукоять.

Легион увидела отверстие внизу рукояти. И крохотный спусковой крючок под выгнутой гардой, на который как раз ложился палец Князя.

Раздался громкий сухой треск, в лицо ей ударили горячие пороховые газы, а тупой удар в правое плечо почти бросил женщину на колени. Князь отпрыгнул, прижимая к груди вывихнутое отдачей запястье. Перебросил шпагу в другую руку и атаковал, чтобы закончить дело.

Даже теперь, будучи дезориентированной, раненной и ослепленной, когда по рубaxe ее текла кровь из простреленного плеча, Легион не позволила себя победить. Ведомая скорее инстинктом, чем полагаясь на зрение, она избежала первого укола и парировала следующий.

— Убьем тебя! Убьем и пожрем твою тень! — рыкнула она.

Отпрыгнула и отерла горящие глаза. Но когда зрение вернулось к ней, Князь исчезал уже в конце улочки.

Двадцать лет войны он пережил главным образом благодаря тому, что знал, когда надлежит убежать.

Женщина за ним не гналась. Пала на одно колено, выпустив рапиру. Тяжело дышала и кашляла, чувствуя, как кровь течет ей в легкие. Было у нее немного времени.левой рукой потянулась к карману, нашитому с внутренней стороны плаща, и вытащила оттуда маленькие флаконы и коробочки с порошками, раскладывая их на земле вокруг себя.

Тем временем Князь бежал улочками Монастырского взгорья. Миновал площадку, где мельком увидел три распростертых на булыжнике тела и высокого фехтовальщика, склонившегося над четвертым. Фехтовальщик слышал шаги, повернулся лицом, которое Черному Князю показалось удивительно знакомым, но он не стал слишком долго над этим задумываться. Бежал из последних сил, пока не оставил за спиною взгорье и лишённые окон стены, отрезающие всех от звездного неба.

Задыхающийся и красный, остановился он лишь на маленькой, воняющей навозом улочке в квартале Контегро.

Только теперь он почувствовал злость. Враги изгнали его из дома в Ралетто, перебили его слуг, вызвали убийцу из-за моря. Может, и не было у него и шанса, но решил он сделать все, чтобы они его запомнили.

Черный Князь выжил, и следующий ход сделает именно он. Пришло время для мести.

Хольбранвер не привык просыпаться в чужой постели, не помня прошлой ночи. Никогда ранее с ним такого не случилось, хотя встретил он уже пятьдесят первую весну. Как видно, судьба решила подшутить над ним на склоне жизни, не только сделав так, чтобы он с трудом и болью мочился, но и посылая на него все, что миновало его в проведенную над книгами молодость: поединки в темных переулках, бессонные ночи, похищения...

Похищение!

Он сел на постели, слишком быстро для своего возраста. Суставы его хрустнули один за другим, словно взвод готовящихся к залпу мушкетеров. Медленно возвращалась ясность мысли. Саннэ! Он пошел за Саннэ на Монастырское взгорье. Как по ниточке, воспоминания эти привели его к чувству страха, когда незнакомцы повалили его на землю и заявили, что он не вернет дочку, что они убьют его весьма неприятным способом. Страх и боль привели к воспоминанию о таинственном пришельце. А оттуда — к схватке, которая взорвалась внезапными взблесками рапир и звоном стали. Схватка — к запаху крови и стонам раненых. А потом память достигла своего предела, мига, когда ученый потерял сознание, видя, как один из разбойников пытается затолкать себе в брюхо выпадающие внутренности, скользкие и лоснящиеся, будто дождевые червяки после дождя.

Как по заказу, Хольбранвер почувствовал боль в темечке, которым он тогда, в конце, ударился о мостовую.

Саннэ.

Не мог он сейчас ей помочь. Хватит и того, что едва не погиб, когда попытался. Если он пропадет, никто не заинтересуется судьбой девочки. Может, продадут ее в рабство. Может, попадет она в один из портовых борделей после того, как отрежут ей язык. Он пощупал куртку и с облегчением удостоверился, что обернутый в тряпку, закрытый в плоской деревянной шкатулке тенеграф все еще находится во внутреннем кармане.

[Купить полную версию книги](#)